

Беерот Цицахк

Беар-Бехукотай • Бемидбар • Насо

«Преодоление испытаний»

Рав Авигдор Хаят

Истинное освобождение

По урокам рава Игаля Полищука

Тора — бескорыстный дар

Рав Шимшон Давид Пинкус

Тора — настоящая свобода

קרן להחזקת והפצת התורה על שם הגה"צ רב יצחק זילבר זצ"ל • בהנהגת הרב יגאל פולישצ'וק שליט"א

Беерот Ицхак

Периодическое издание Фонда поддержки и распространения Торы «Беерот Ицхак» имени рава Ицхака Зильбера под руководством рава Игалья Полищука, главы русскоязычного отделения ешивы «а-Ран» в Иерусалиме

Главный редактор
рав Игаль Полищук

Редактор
рав Арье Кац

Технический редактор
рав Хаим Барух Либерман

Авторы, переводчики и составители
рав Барух Марлатко, рав Нахум Шатхин,
рав Шимон Скаржинский, рав Берл Набутовский,
рав Александр Кац, рав Овадья Климовский,
г-жа Хана Берман, г-жа Лея Шухман

В номере использованы и фото и графика
из фотобанков pixabay.com, www.freepik.com,
shutterstock.com и Wikipedia

ЦЕНА: 10 ШЕКЕЛЕЙ

**РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ВЗНОСОВ
И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ФОНДА «БЕЕРОТ ИЦХАК»**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД

Beneficiary's Name: Keren Beerot Itzhak

Registration number: 580566917

Address: Tiferet Ramot 81/8, Jerusalem, Israel

Bank name: Bank Hapoalim B. M.

Branch number: 538

Account number: 389-044

IBAN: IL69012538000000389044

SWIFT: POALILIT

БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД ВНУТРИ ИЗРАИЛЯ

Банк Апоалим (12), Отделение Рамот (538)

Номер счета: 389-044, Имя: קרן בארות יצחק

По вопросам перевода с кредитной карты
в Израиле: +972(0)52 562 47 20

СИСТЕМА פלוס נדרים НОМЕР 1487

ОНЛАЙН ПЛАТЕЖИ НА BEEROT.RU

PayPal paypal@beerot.ru

АДРЕС: ירושלים, 81/8 תפארת רמות

ТЕЛЕФОН +972 (0)2674 34 84

ФАКС +972 (0)2678 26 65

Е-МЭЙЛ: info@beerot.ru

ПОДПИСКА (возможна доставка на дом)

+972(0)52 562 47 20

www.beerot.ru/subscription/

ЗАКАЗ РЕКЛАМЫ

reklama@beerot.ru

Просьба строго следить за тем, чтобы издание
не выносили в Шаббат в местах, где нет эрува.

Поскольку издание содержит святые слова Торы,
оно требует уважительного обращения и генизы.

Все материалы журнала (в том числе и изданные в книгах)
проходят обязательную редакционную проверку.

Допускается перепечатка материалов издания с обязательной ссылкой.

Распространяется в России
при поддержке КЕРООР

KEROOR.COM

Централизованная религиозная
организация ортодоксального иудаизма

Верстка и дизайн: JEWISH PUBLISHERS

Издание и распространение еврейских книг
JewishPublishers.com

За возвышение души

Аарон бен Зельман; Лев бен Аарон;
Хая Мирьям бат Матыс (Рабинович);
Сара бат Моше (Сбарская)

Просьба молиться за полное выздоровление

Рахэль Леа бат Эстэр Хая

За возвышение души

Нина бат Яаков,
Анна Нюся бат Гиллель,
Инна бат Лейб,
Гених бен Яаков,
Фаня Сара бат Гершон,
Ицхак (Исаак) бен Залман,
Шимон (Семен) бен Ицхак,
Мирьям бат Аарон Даташвили,
Соня бат Файвел,
Сара Наоми бат Авраам,
Ида бат Песах

Просьба молиться за выздоровление

Йехезкель бен Шифра

Журнал посвящается светлой памяти

Хая Гова бат Яаков Ури; Александр бен Наум;
Залман бен Григорий; Элька бат Моше;
Элиезер бен Шмуэль (Самуил);
Анатолий бен Шмуэль (Самуил);
Шмуэль (Самуил) бен Элиезер;
Шмуэль Леонид бен Анатолий;
Мария бат Гиль; Лена бат Йона

Содержание

Недельная глава

- 3 | Лакомства к субботнему столу
- 3 | Недельная глава «Бе́ар»
- 3 | Недельная глава «Бехукотай»
- 5 | Недельная глава «Бемидбар»
- 9 | Недельная глава «Насо́»

Еврейский взгляд

- 12 | Истинное освобождение
По материалам уроков рава Игалья Полищука
- 14 | «Преодоление испытаний»
Рав Авигдор Хают

Актуальная дата

- 22 | Дни Омера
Рав Барух Марлатко

Еврейское мировоззрение

- 24 | Врата веры
Рав Шимшон Давид Пинкус
- 24 | Принцип тринадцатый. Оживление мертвых

Еврейский закон

- 27 | Детские коляски в Шаббат и праздники
Рав Барух Марлатко

Еврейский дом

- 29 | Цадик из Манхэттена
Рухома Шайн

Лакомства к субботнему столу

Недельная глава «Беар»

Благословение седьмого года

Рав Шеломо Левинштейн

«Вы скажете: “Что же нам есть на седьмой год год, когда мы не будем ни сеять, ни собирать урожай?” ...в шестой год Я пошлю вам Мое благословение!» (Вайкра, 25:20–21).

У Всевышнего есть множество посланников, через которых осуществляется Его благословение, данное тем, кто соблюдает законы *шмиты* (седьмого года). Об одном из них рассказывает в журнале «Мусáf Шаббат Кóдеш».

В преддверии 5740 (1980) года, который был годом *шмиты*, рав Моше Мендельсон, главный раввин известного религиозного поселения Комемиют, провел ряд уроков в окрестных селениях. Под влиянием этих уроков группа жителей из деревни Талмей Элияу решила соблюдать седьмой год. У одного из них, Йеуды Пьюнира, было большое поле цветов (колокольчиков), которые росли в теплицах, и были предназначены на экспорт.

Когда пришло время собирать урожай, весной перед седьмым годом, Йеуда пришел в теплицу вместе с группой рабочих, и вдруг они увидели, что лепестки цветов покрыты белыми пятнами. У Йеуды просто потемнело в глазах. Он стал проверять и смотреть вокруг — увы, все, абсолютно все, цветы были покрыты этими странными пятнами. Йеуда не мог найти никакого объяснения этому явлению, но факт оставался фактом: весь урожай цветов был поврежден, и они были совершенно негодны на продажу.

После нескольких часов выяснений и проверок, загадка была разрешена: над соседним селением, Нир Ицхак, пролетал самолет, опрыскивавший поля веществом, предотвращающим рост сорняков. Закончив свою работу, он выбросил оставшееся вещество над пустырем, но сильный ветер, поднявшийся в тот момент, отнес это химическое облако... прямо в теплицу Йеуды, которая находилась неподалеку.

«Я стоял в теплице, — рассказывал Йеуда, — и с горечью смотрел, как весь мой труд за последний год, превратился в пыль. Урожай 1979 года пропал. Следующий год — *шмита*, а я ведь решил не работать в этот год. Что же я буду делать, на что кормить семью? Положение казалось безнадежным».

Однако через две недели Йеуда получил от фирмы «Химабир», которой принадлежал самолет, чек на восемьдесят четыре тысячи израильских лир, в то время — огромная сумма.

Выяснилось, что дирекция фирмы опасалась, что произошедшее повредит ее репутации, и предпочла замаять эту историю, выдав Йеуде высокую компенсацию ущерба. Так, без всякой борьбы и бюрократической волокиты, Йеуда получил приличную сумму, которой, как он рассказывал, ему хватило, чтобы покрыть ипотечные долги и спокойно прожить два следующих года.

Совершивший ошибку летчик, сильный ветер, поднявшийся именно в тот момент, были, на самом деле, посланниками Высшего Провидения, исполнившими обещание Торы.

Перевод: г-жа Лея Шухман

Недельная глава «Бехукотай»

Берлин — это вам не Иерусалим!

Рав Яаков Галинский

Есть известный комментарий автора «Мэшэх Хохма», рава Меира-Симхи из Двинска, явно написанный с помощью пророческого духа святого постижения, на стих из нашей главы «Но при

всем том, когда они будут в стране наших врагов, Я не стану презирать их и гнушаться ими; Я не истреблю их, не нарушу Мой союз с ними, ибо Я — Г-сподь, их Б-г». Вот, что пишет рав Меир-Симха: жизнь народа Израиля в изгнании подобна маятнику. Как только евреи укореняются в какой-нибудь стране, преуспевают там духовно и материально, Тора расцветает на этой земле, тут же

появляется новое поколение, которое отбрасывает традиции отцов, оставляет изучение своей религии ради изучения чужих языков, объявляет Берлин новым Иерусалимом, и, как сказано в трактате Санъэдрин (396): «Их самые лучшие деяния вы не делали, а самые испорченные — делали» и «Пусть не радуется Израиль вместе с радостью других народов» (Ошеа, 9:1) — «тогда поднимается ураган, и вырывает их с корнем», и заставляет бежать в другое место и начинать все с начала. Там они возвращаются к себе, и изучение Торы снова расцветает, как и прежде, а потом все происходит заново.

Об этом и сказано: «Даже, когда они будут в стране наших врагов, Я не стану презирать их» — это процесс отхода от Торы, «и не стану гнушаться ими» — это процесс, когда неевреи отдалают их и «выплюывают их», все это происходит не для того, чтобы «истребить их» в наказание, и не увечить, не дай Б-г, забывание Торы, а только «ведь Я — Г-сподь, Б-г их», чтобы Тора заново поднялась и расцвела на новом месте.

Как он предвидел страшную Катастрофу, произошедшую из-за того, что евреи приблизились к неевреям, а в результате ее — народ бежал из стран, где прижился было, на свою родину, и здесь Тора заново расцветает, и множество людей возвращаются к своим источникам!

Есть одна история на эту тему. Царица, мать русского царя Николая Второго, как-то прочитала в одной книге о евреях и их жизни, их традициях. Там описывались польские евреи в своих шапочках с козырьком, бархатных ермолках, длинных плащах и широких поясах. У царицы пробудилось любопытство: она в жизни не видела еврея! Как известно, евреи тогда проживали в узкой «черте оседлости» на границе с Польшей, которая тоже в те времена принадлежала России, и им было запрещено селиться внутри страны. Царица велела своим слугам: «Я хочу посмотреть на еврея. Если увидите одного такого в Петербурге, приведите его ко мне, и я дарю ему сто рублей!» Огромная сумма в те времена.

Тем временем, один бедный меламед (учитель Торы) страдал от нападков властей. Они предъявляли ему то одну, то другую претензию, и в итоге ему пришлось ехать в столицу, чтобы привести в порядок свои бумаги. Он получил разрешение от местного губернатора, и поехал в Санкт-Петербург. Там он потерянно ходил туда-сюда, не зная, к кому обратиться. Неожиданно его остановил полицейский: «Стой!» Он замер на месте, сердце забило от страха. «Что ты

тут делаешь?» — потребовал полицейский объяснений. Наш еврей, запинаясь, стал объяснять, по какому делу приехал. «Слушай! — велел полицейский, — Завтра, ровно в одиннадцать утра приходи к входу в царский дворец. Царица желает на тебя посмотреть! Она даст тебе сто рублей, да и дела свои сможешь уладить».

С одной стороны, новость — лучше и не пожелаешь! И дела все уладит без хлопот, да еще и разбогатеет! Такую сумму он мог бы заработать лет за двадцать! Но с другой стороны — как он появится в таком виде перед царицей? Она ведь привыкла видеть людей, начисто выбритых, в коротких сюртуках. Наверняка она придет в ужас от его странного вида. Прикажет дать ему палок, а то и отправит в тюрьму в пожизненное заключение. Жена останется одна-одинешенька, соломенной вдовой, а дети будут живыми сиротами.

Делать нечего. Со слезами на глазах и болью в сердце он пошел в парикмахерскую, срезал свои длинные красивые пейсы, сбрил густую бороду. Когда посмотрел на себя в зеркало — чуть в обморок не упал. Но что делать, тут речь идет об угрозе жизни!

Оттуда пошел в магазин одежды. Купил рубашку, короткий сюртук, брюки и галстук. Посмотрел в зеркало — ну чистый клоун! А как его встретят в его городке? Да ни один отец не захочет послать к нему своего сына учиться. Ну, ладно, это потом. Главное выйти живым из царского дворца.

Назавтра в назначенное время он подошел к воротам дворца. Полицейский его сначала не узнал. Он представился, и его ввели во дворец, провели к царице. Она увидела и возмутилась: «Мне что — мало бритых и коротко одетых вокруг? Я хотела на настоящего еврея посмотреть!» И выгнала его с позором.

Так он со всех сторон проиграл...

Разница в подходе

Рав Яаков Галинский

«Всякое животное, которое при подсчете проходит под посохом десятым, — это святая Г-спода» (Вайикра, 27:32).

Рав Залман Сороцкин как-то рассказал мне, что, когда его тесть, великий рав Элиезер Гордон, основал свою ешиву «Тельз», он поехал в Киев и пришел к одному богачу, миллионеру. Тот встретил рава с почетом, ведь рав Гордон был одним из величайших мудрецов того времени, и спросил, что рав желает. «Я желаю, — ответил рав, — чтобы вы пожертвовали пятьсот рублей на строительство ешивы». Пятьсот рублей в то время — это

была невообразимая сумма. Когда половина Радина сторела, Хафец Хаим провел сбор средств, и на восстановление половины города собрали около двухсот рублей.

«Вы наверняка шутите», — опешил богач.

«Шутить я могу и дома, — ответил рав, — нет, я абсолютно серьезен».

«Что ж, — сказал богач (он был человеком умным и образованным в Торе), — Вы, уважаемый рав — гений в Торе, а гениальность проявляется, в том числе, и в способности понять обе стороны в споре и объяснить их, как следует. Когда обе стороны ясны, понятно, какое решение следует принять. Ну, у нас здесь есть две стороны: вы, рав, серьезно желаете, чтобы я пожертвовал вам пятьсот рублей, а я совершенно серьезно считаю, что это просьба чрезмерная и нереальная. Пожалуйста, объясните обе стороны!»

Великий рав, не раздумывая, принял за объяснение: «Всевышний повелел отделять десятину от домашнего скота, верно? Как это делается? Известно: собирают весь скот в хлев, открывают узкий проход, и проводят скот через него. Хозяин стоит и считает: один, два, три... десятого отмечают: мажут красной краской по спине.

У меня есть вопрос: у больших богачей было огромное множество скота. Например, в трактате Шаббат (446) рассказывается, что раби Элазар бен Азария отделял двенадцать тысяч голов скота в год. Получается, что он проводил под посохом

сто двадцать тысяч голов. Сколько времени это занимает, сколько труда и хлопот! Ведь человек знает, сколько ему нужно отделить десятины, выбрали бы сразу двенадцать тысяч, и все на этом!»

Интересный вопрос. Миллионер задумался. Он прекрасно знает, как дорог час богача. Почему, на самом деле, Тора заставляет его стоять часами и пересчитывать все эти десятки тысяч быков и овец?

«Я вам отвечу, — сказал рав Гордон, — дело в том, что если бы пришли к богачу и сказали: “Давай, отдай козням двенадцать тысяч голов скота!”, у него бы сердце заболело: ох, как много! Что же было сделано вместо этого? Велено богачу стоять у узкого выхода и считать: “Этот бычок — мой, и этот мой, и этот мой, и этот... Ну, десятый козну. Этот снова мой, и этот, и этот, и пятый, и десятый... Ладно, десятый козну”. Так становится видно, как много Всевышний дает человеку, и как мало требует от него...

Вы понимаете, в этом и заключается разница в нашем подходе. Я пришел попросить пятьсот рублей на поддержку Торы, и вы были шокированы. Что ж, помогите мне, и давайте посчитаем: такой-то завод — ваш. Многоэтажный дом на такой-то улице — ваш. Акции такой-то компании — ваши...»

«Достаточно, достаточно! — прервал его богач, — Вы меня убедили, не нужно дальше считать!»

Перевод: г-жа Лея Шухман

Недельная глава «Бемидбар»

Тора — бескорыстный дар

Рав Шимшон Давид Пинкус

«Всевышний говорил с Моше в пустыне Синай» (Бемидбар, 1:1).

«Почему в пустыне Синай? Отсюда наши мудрецы учат, что Тора была дана посредством трех вещей: огня, воды и пустыни. Почему именно эти три вещи? Как они даются бесплатно всем, живущим в этом мире, так и слова Торы — бесплатны, как сказано (Йешаяу, 55): “О, все жаждущие, идите к воде!”» (Бемидбар Раба, 1:7).

Когда мы просим о Торе, мы употребляем выражение *ханина* — просьба о даре, как говорится в благословении перед «Шэмá»: «Сжался (*тэхонэн* — תחנון) над нами и обучи нас», а также в молитве Амида: «Ты даруешь (*хонэн* — חונן) человеку разум», «даруй от Себя» и т.д.

Что это означает, почему необходима такая большая милость и милосердие Свыше, чтобы удостоиться Торы?

Объяснение таково: Тора — бесценна. Никогда не было и не будет человека, который может удостоиться её в заслугу своих деяний.

Прекрасным примером этому является Моше рабэну. Говорят наши мудрецы: «Нет более великого в добрых деяниях, чем Моше рабэну» (Брахот, 32б). И, тем не менее, мидраш («Шемот Раба», 41:6) говорит, что все сорок дней и ночей, которые Моше провел на горе Синай, он учил Тору и забывал, пока Всевышний не дал ее ему в подарок.

Наши мудрецы («Шемот Раба», 33:1) определяют реальность дарования Торы так: «Бывает ли такое, чтобы человек продавал какую-то вещь — и себя вместе с ней?» Например, человек, который покупает машину — купил только машину, но не ее продавца, чтобы был ему личным водителем...

А у Всевышнего реальность другая: «Сказал Святой, благословен Он, народу Израила: “Я продал вам Свою Тору, и как бы продал Себя вместе с ней”, как сказано: “И возьмут Мне приношение”». Однако, поскольку у Него Самого нет цены, поэтому обрести Всевышнего можно только посредством любви.

Когда человек покупает какую-то вещь, он не может купить ее хозяина. Но когда Всевышний дал нам Тору — тем самым как бы дал нам самого себя, ведь постановив «не на небесах она», Он дал нам, материальным творениям, силу установить истину в Торе!

Как Всевышний дает нам Самого Себя? Мы не знаем, и не в состоянии постичь смысл этого соединения. У нас есть только определение мудрецов («Зоар», гл. Ахарэ мот): «Израиль, Тора и Всевышний — это единое целое», как сказано в Шир а-Ширим: «Пусть целует меня поцелуями уст Своих», это намекает на соединение души с душой: «ведь Всевышний даст мудрость, из уст Его понимание и разумение» (Мишле, 12:6)

О награде, ожидающей тех, кто трудится над Торой, у нас тоже нет никакого представления, и мы даже неспособны осознать ее суть: «Праведники сидят с коронами на головах, и наслаждаются сиянием Шехины». Все это входит в общее правило «Глаз не видел мира грядущего, кроме Тебя (кроме Всевышнего)».

Даровать такой чудесный и драгоценный подарок возможно только тогда, когда дающий любит того, кому дает, сильнейшей любовью, любовью безграничной, заставляющей его искать, как оказать добро получателю любым способом. Ведь когда речь идет об обычном случае, когда дают мера за меру — такого возвышенного уровня достигнуть невозможно.

Например: когда видят у человека красивую ручку или новую красивую машину, то спрашивают, где он ее купил. Но если мы увидим у человека огромный алмаз килограммов в пятьдесят весом, никто не спросит, где он его купил. Вопрос будет: кто ему подарил такой алмаз? Ведь такую невероятную драгоценность можно получить только в подарок. Купить ее просто нереально.

Точно так и с нашей святой Торой: нет в мире никого, кто мог бы заплатить за нее, она дана нам Свыше в качестве бескорыстного дара!

На пороге Шатра

Рав Яаков Галинский

Обратился ко мне один аврех. Он преподает в организации, которая занимается приближением евреев к Всевышнему и его Торе. Удостаивает

заслуг многих, счастлив он, и замечателен его удел. И вот его попросили приглашать на Шаббат *баалé тэшувá*. А он сомневается. У него маленькие дети, и они могут услышать неприемлемые выражения, увидеть поведение, неподобающее Б-гобязанному человеку. Конечно же, гости ни в коем случае не желают навредить, но человек в начале пути все еще ведет себя так, как привык...

«Понимаю, — говорю ему, — это причина отказаться. А какова причина согласиться?»

«Ну как же, — с пылом начал он объяснять, — этих людей нужно приближать, они должны увидеть, что такое еврейский дом, настоящий Шаббат! Да и сказано, что “тот, кто выполняет заповедь, не узнает плохого” (Коэлет, 8:5), и “заповедь защищает и спасает” (Сота, 21а)!»

«Что я вам скажу — Ибн Эзра объясняет этот стих так, что тот, кто соблюдает заповедь, не желает знать плохого, не желает слышать речи, которые противны его душе. Ну, ладно. Но вот у меня вопрос: если бы вам сказали, что у этой пары, которую вы желаете пригласить, ребенок болен ветрянкой, вы бы пригласили?»

Э-э-э... Заповедь остается заповедью. А ветрянка болезнь не опасная, и проходит сама собой...

«Так что, отказаться?»

«Нет, я этого не сказал. Вопрос серьезный, если вы хотите получить алахическое решение (*иэсáк*) — спросите рава Хаима Каневского. А я, знаете ли, только истории умею рассказывать. Вот и вам расскажу.

В городе Слоним существовал *экдеш* — бесплатная гостиница для нищих гостей, как это было издавна принято в городах диаспоры. Когда просвещенцы приобрели силу, они стали утверждать, что нужно закрыть это место. Ведь приличных гостей, утверждали они, приглашают местные жители к себе домой. А в *экдеш* направляют только тех нищих бродяг, которых подозревают, что они могут украсть, если будут ночевать у кого-то дома. Так почему община должна финансировать их пребывание? Пусть идут дальше, и чем быстрее — тем лучше.»

Ответ им дал глава слонимской ешивы, рав Шабтай Ягель: «Мы учим в трактате Авот, что мир стоит на трех вещах: на Торе, служении и добрых делах (милосердии). Перед словами “Тора” и “служение” стоит буква «э» (ת): “*аТора*” и “*аавода*” (буква «э» (ת) в данном случае является определенным артиклем, как the на английском — *прим. пер.*) А перед третьим словом — нет. Почему?»

Дело в том, что наши святые мудрецы предвидели, что наступят времена, когда каждая группа

будет похвалиться своей “Торой” — своим учением, будет предлагать “дополнения”, “исправления” и убирать “излишнее”, не дай Б-г. Поэтому они подчеркивают, что мир стоит только на одной-единственной Торе — той, которая дана нам Свыше, в своем чистом виде. То же самое и по поводу служения — будут движения, которые выдвигают идеалы служения идолам, идеям, или просто физического труда и т.п. Поэтому наши мудрецы сообщают, что речь идет именно о Служении — служении Всевышнему, известному нам из поколения в поколение.

Однако по отношению к добрым делам, милосердию — нет нужды объяснять, о каком конкретно милосердии идет речь, различий тут быть не может. Ведь милосердие проявляют ко всем: порядочным нищим и непорядочным, каждому, кто нуждается.

Кто бы более велик в проявлении милосердия, чем наш праотец Авраам? Он не проверял, каковы его гости, и, будучи больным, бежал пригласить к себе трех арабов...»

У того глаза загорелись: значит, да приглашать!

«Нет, я этого не сказал. В Слониме шла речь о *экдеше*, гостинице для гостей, а не о том, чтобы приглашать их домой. Да и сам праотец Авраам принимал их “под деревом”.

Что тут скажешь? Царь Шеломо был мудрецом и пророком, сидел на царском троне, помазанник Всевышнего, и желал распространить веру в Творца по всему миру. Как он желал добиться этого? Он решил, что возьмет дочерей всех царей, сделает им гиюр и женится на них, и обучит их истинной религии, а они обучат своих родителей, и отсюда вера во Всевышнего перейдет к царским визирям и советникам, а от них уже распространится и во всем народе. И все земля наполнится знанием Творца, как вода, покрывающая море. Как замечательно! Прекрасные были у него намерения, и ведь “выполняющий заповедь не будет знать плохого”, и “заповедь охраняет и спасает”. А что в итоге? “И было, когда Шеломо состарился, его жены отвернули его сердце, и не было его сердце целиком с Г-сподом, Б-гом его, как сердце его отца Давида” (Мелахим 1, 11:4). Почему так получилось? Пишет великий Хида, что ему следовало идти в их дворцы и там обучать их, а не приводить к себе во дворец!

Я вам не указываю, что делать.

Но когда Моше рабэну было велено пересчитать левитов с возраста месяц и старше, “сказал Моше Всевышнему: неужели я буду заходить в их шатры, чтобы узнать, сколько младенцев там есть? Всевышний ответил ему: ты сделай свою часть,

а Я сделаю Свою. Моше шел от шатра к шатру и останавливался на пороге, а Шехина предшествовала ему, и голос Свыше провозглашал: в этом шатре столько-то младенцев”. Поэтому и сказано: “И пересчитал их Моше по голосу Всевышнего” (Раши, Бемидбар, 3:16).

Это непонятно, и Маараль задает вопрос: “Что, Моше тяжело было зайти в каждый шатер, поэтому нужно было пересчитывать их с помощью Шехины?” Конечно же, отвечает он, Моше не боялся лишней работы, и не утруждал Шехину зря. Просто дом — это личное пространство семьи, его частное владение.

Моше рабэну, краса колена Леви, его венец и предводитель, понял, что ему не нужно входить в шатры людей!

И Шехина согласилась с ним. Он вставал у входа, но не входил внутрь.

С другой стороны, кто знает — может быть, в вашем случае по-другому невозможно, и нужно их приглашать. Иди, спроси рава Хаима, а “тот, кто спрашивает совета у мудрецов, никогда не ошибется”!»!

Перевод: г-жа Лея Шухман

Знамена и воинства

Четвертая книга Пятикнижия — Бемидбар — называется еще Пикудим (см. Сота 36а-б). Это слово повторяется при «переписи» сынов Израиля и обычно переводится как «исчисления», подсчет. Но в Мегилат Эстер (2:3) царь назначает (*мафкíд*) порученцев (*пэкидím*). Широко употребляется термин *никадóн*, означающий, что нечто (скажем, предмет) вверено кому-либо, например, доверенному лицу. Надо отметить, что и другое слово, означающее «пересчет» (*миньян*, или глагол *лимнóт*, пересчитать), имеет общий корень со словами *мемунэ* (назначенный, ответственный) и широко известным понятием *эмуна*, которое в первую очередь означает надежность, верность обязательствам (см. Мелахим 2, 12:16). Очевидно, что подсчет народа неразрывен с определением для каждого колена его особой задачи и места в стане Израиля.

Но при чем тут флаги? Это что, экскурсия с гидом, где каждая группа надевает бейсболки другого цвета, чтобы не потеряться?! Народ, только что получивший Тору, шатры которого окружают только что возведенный Мишкан, не нуждается в значках и указателях.

Слово *дэгель*, которое появляется здесь, а потом больше в Пятикнижии не используется, означает, как следует из слов Раши (Бемидбар, 2:2), древо, на которое в свою очередь крепится знамя.

В Теилим (20:6) употребляется глагольная форма этого корня — *нидголь*; часть комментаторов объясняют это слово через уже известное слово *дэгель*: Именем Б-га нашего поднимем знамя. В словах Раши на этот стих есть указание на сплочение вокруг Б-га, как воины вокруг знамени.

«Таргум Ункелос» (Бемидбар 1:52) переводит *дэгель* арамейским словом *текас*. *Текес*, *таксис* на языке мудрецов означает инструмент, приспособление, средство. *Дэгель* — это средство для сплочения колен Израиля. «Таргум Ионатан» (Бемидбар, 2) говорит, что шелк каждого из четырех знамен был трехцветным, по цветам трех из двенадцати камней в *хóшэне*; каждое знамя объединяет три колена. Рамбан (2:2) сообщает нам, что на каждом знамени было изображение. На знамени Реувэна — человек (и мандрагоры), у Йеуды — лев, у Эфраима — бык, на знамени Дана — орел. Эти образы фигурируют в пророческом видении Йехезкэля и описывают мир ангелов...

Еще широко известно использование корня *дэгель* в Шир-а-Ширим: «Привел меня в дом вина, и *дэгель* Его любим мною» (2:4). Мидраш говорит, что «дом вина» — это Синай, где была дана Тора; на 49 способов понимания Торы указывает числовое значение слова *вэдигло* («и *дэгель* Его») — 49. Раши пишет: Израиль вспоминает с любовью свою сплоченность в час, когда Всевышний повлек (*дигэль*) нас к Себе. Для полноты объяснения Раши приводит, как часто бывает, слово на старофранцузском, которое значит «манящее, влекущее». Таким образом, этот стих перекликается со стихом «Повлеки нас, за Тобою победим» (Шир а-Ширим 1:4).

Далее Шир-а-Ширим (6:10) восхваляет еврейский народ такими словами: «Кто это виднеется, как заря (*шахар*), хороша, как луна, чиста, как солнце, внушающая трепет, как *нидгалот*». «Раби Хия и раби Йеуда бен Халафта... наблюдали восход утренней звезды (*айélet ашахар*). Раби Хия сказал: так будет выглядеть избавление Израиля. Поначалу — понемногу, проблескивает больше, потом ширится и множится, потом заливает светом» («Шир а-Ширим Раба», 6:10). Весьма известный мидраш. Далее мудрецы разбирают последующие аллегии: луна, солнце. Все это описывает наш народ в состоянии Избавления. «*Нидгалот*» означает, что Израиль будет внушать трепет, как «*дэгалым* высших ангелов»... Раби Йошуа из Сахнина сказал, что во время Синайского Откровения, о котором сказано: «Привел меня в дом вина», евреи увидели высших ангелов «со знаменами» и сказали: вот бы и нам пользоваться этим средством (*таксис* — мы уже говорили об этом термине) при

наших переходах! Всевышний сказал: раз они желали такого, пусть будет их стан выстроен вокруг *дэгалым*, и повелел (Бемидбар 2:2): «Каждый при знамени своем по знакам отчих домов, — так станут станом сыны Израиля».

Итак, *дэгель* объединяет людей, причем в силу своей притягательности, и служит средством, которое дано сынам Израиля для расположения станом и для переходов. Возникает вопрос: что это и как оно работает? Будем надеяться, что мы удостоимся ответа и — более того — применения этого «*таксиса*», когда Всевышний явит нам Свое Избавление. Пока что ограничимся посильными рассуждениями.

Структура стана нам известна: Мишкан в центре, левииим вокруг него, двенадцать колен — по четырем сторонам света, по три колена со «знаменем». Как мы видели, мудрецы раскрывают «ангельское» происхождение этой структуры. Рамбан прямо указывает на соответствие стана Израиля высшим мирам. При этом свойства каждого колена в точности подходят характеристикам их расположения.

Разумеется, переходы Израиля в пустыне не надо сравнивать с миграцией кочевников. Евреи не искали ни свежих пастбищ, ни новых колодезев. Все необходимое шло вместе с ними, а переходы были по слову Творца. И Тора в конце книги Бемидбар (она же Пикудим) перечисляет все переходы, подсчитывает их. Логичнее было бы считать стоянки? Да, — если бы целью переходов была перемена мест. Но *масайм* — переходы — имеют собственную значимость, едва ли меньшую, чем стоянки. «Сказал Моше Ховаву, сыну Реуэля мидьянитянина, тестя Моше: двигаемся (*носйым*) мы к месту, о котором сказал Г-сподь: «это место дам Я вам». Иди (*лехá*) с нами, и мы облагодетельствуем тебя...» (Бемидбар, 10:29). «Кэли якáр» на этот стих разбирает разницу между этими глаголами. Мы — двигаемся, ты (пока что) можешь только идти. И то, и другое технически означает перемещаться пешком, но мы *носйым*, оставляя прошлое позади, а ты хоть и перемещаешься в пространстве, но твои помыслы все еще привязаны к местам исхода. Подобное мы находим у Авраама: сначала ему повелели: «Иди (*лех лехá*) из своей страны» (Берешит, 12:1), но впоследствии (12:9) «двигался Аврам *алох венасоá* (идя и двигаясь) к Негеву». На море Всевышний не сказал нам идти, он повелел двигаться: «Скажи сынам Израиля, пусть двинутся (*веисáу*)» (Шемот, 14:15). Так можно заставить море расступиться.

Масаим еврейского народа — это переходы в новое состояние, и когда они совершаются по слову Б-га и с *дэгалім*, как Он повелел, то новое состояние по сравнению с прежним — это, как говорится, «небо и земля». Для воинов Давида (см. Теилим 20) Имя Б-га было «знаменем», и поэтому Всевышний исполнял все запросы Давида, ведь это претворение в жизнь Его воли. Для всего нашего народа Синай (и последующее раскрытие подробностей и смыслов Торы, происходившее в Мишкане) — бессменное «знамя», объединяющее весь народ на стоянках, идущее впереди во время переходов. Ковчег со Скрижалями — наш переносной Синай, поэтому стена, отделявшая Святая Святых с Ковчегом от остального Храма, называется «траксин», что Тосафот (Бава Батра, 3а) объясняют как «[стена,] закрывающая Синай». И этот самый Ковчег расчищает путь для всех, кто идет — нет, движется! — за ним.

И в этом движении надо соблюдать предписанный порядок. У каждого своя задача, назначение, личная ответственность за вверенное ему, с него спросят, был ли он по дороге верен своим обязательствам. Такой образ действий делает человека похожим на ангела, который, как известно живет лишь своим поручением. Такое движение, несомненно, внушает трепет стороннему наблюдателю. И не потому, что он опасается столь грозного воинства — а потому, что не может не впечатляться от преданности идущих — движущихся! — высокой цели, не может не задуматься, почему сам-то наблюдает со стороны. Порой кому-то (вот повезло!) говорят: «Иди с нами...»

Подготовил:
рав Шимон Скаржинский,
ради возвышения души
Галя Хая Браха бат Мордехай

Недельная глава «Насó»

Изначально — через верх!

Рав Яаков Галинский

Сказано в трактате Санъэдрин (111б), что в будущем Всевышний сделает корону каждому праведнику и праведнику. Почему сказано дважды «праведник»? Потому, что речь идет о двух видах праведников. Один — сдерживает свое дурное начало (*родэ эт-йицро*), а другой — преодолевает свое дурное начало (*митгабер бэйицро*). Нужно понять, в чем разница между «сдерживать» и «преодолеть». Раши объясняет: тот, кто сдерживает — отталкивает свое дурное начало и полностью раскаивается в совершенном грехе. А тот, кто преодолевает — «натравливает» свое доброе начало на дурное. А именно, что если дурное начало шепчет ему: «Давай, сделай этот грех», он не только воздерживается от греха, но и наоборот, идет и делает заповедь. И второй предпочтительнее первого (до сих пор слова Раши).

Отсюда я понял новое объяснение сказанного мудрецами: «Почему (в нашей недельной главе) после части о *соты* (женщине, изменившей мужу), сразу же идет часть о *нази́ре*? Чтобы ты выучил: каждый, кто увидел *соту* в ее позоре, пусть примет *нази́рут* и отдалится от вина (ведь вино приводит к легкомыслию, которое стало причиной этого греха). Как сказано (Мишле, 23:31): “Тот, кто устремит свой взгляд в стакан, будет идти по равнине”, и объясняют наши мудрецы: для того, кто

устремляет свой взгляд в стакан (вина), все запрещенные связи становятся, как равнина (т.е. будто разрешенными)».

Нужно понять: конечно, вино может привести ко многим неприятностям, но мы видим, что Тора не запретила его пить. И более того, мы благословляем на него особое благословение, поскольку виноград, став вином, изменился к лучшему. Оно «радует сердце человека» (Теилим, 104:15), «радует Г-спода и людей» (Шофетим, 9:13), ведь песнь поют только на вино, и его употребление в малом количестве хорошо (Гитин, 70а), полезно для здоровья (Бава Батра, 58б) и просветляет разум (Санъэдрин, 70а). Почему же тот, кто видел *соты* в ее позоре, должен запретить себе пить вино?

Ответ на этот вопрос мы найдем в следующей истории.

Рав из Поневежа потерял в Катастрофе почти всю свою семью, и множество учеников, которые были для него, как родные дети. Ведь система учреждений Торы, которую он создал в Поневеже, состояла из хейдера для мальчиков, ешивы для младших и старших учеников, коллелей для аврехов, школы для девочек, — и там было около двух тысяч учащихся! И все это превратилось в груды развалин, было сожжено до пепла... Рав Каанеман преодолел все свое горе, и принялся восстанавливать уничтоженное. Он был уже немолодым и не совсем здоровым человеком. Однако он открыл ешивы для младших и для старших учащихся, коллель аврехим и «Батé авóт» для детей

новых репатриантов. Для того, чтобы содержать все эти учреждения, ему приходилось много ездить по странам диаспоры, прямо-таки обивать пороги. Отношение к нему было насмешливым и презрительным. Одни качали головой, жалея этого «мечтателя», другие побаивались, что его мечты осуществляются — мол, разве нужны нам бездельники, которые будут только сидеть и учить Тору? Тем не менее, рав не падал духом, стучал в двери и сердца, вдохновлял — если не других, то хотя бы себя.

Когда он всё-таки упал духом, когда ощутил, что сердце его разбито? Когда вернулся из одного длительного путешествия, не сумев набрать и половины нужной суммы, и по пути из аэропорта в Бней-Брак проезжал мимо университета «Бар-Илан». Он увидел, что там строят огромное роскошное здание. Рав Каанеман поехал к Хазон Ишу и стал горько жаловаться — почему, мол, эти так преуспевают? Почему деньги там льются, как вода, и спонсоры дерутся за право «увековечить» память своих родителей. Чтобы для возвышения их душ учили зоологию? А у нас исполняется сказанное Рамбаном в его письме, которое он отправил, будучи в Земле Израиля: «Чем одно (здание) святее другого — тем более оно разрушено». С трудом удастся набрать денег на кусок хлеба для учащихся!

Хазон Иш терпеливо ответил ему: «По поводу городов-убежищ Тора повелевает нам: “Приготовь себе путь”, и Раши объясняет, что “путь” — имеется в виду путь в убежище. На перекрестках ставили столбы, указывавшие направление в город-убежище. В мидраше к Теилим (25) сказано, что такие указатели ставились через каждую милю, множество столбов. Возникает вопрос: почему не было таких указателей по пути в Иерусалим, для паломников и тех, кто шел принести жертвы, для тех, кто шли, чтобы есть в Иерусалиме десятину и многих других, которые шли в Иерусалим, чтобы увидеть Бэт-Микдаш, наполниться ощущением близости к Творцу и трепета перед Ним?»

Более того, Тора не только не велит ставить такие столбы на пути в Иерусалим, а наоборот, приказывает **не** ставить никаких указателей. Как сказано: “Только на то место, которое Г-сподь, Б-г ваш, изберет (на земле одного) из ваших колен и делает обителью для Своего Имени, — туда обращайтесь и приходите”. “Туда обращайтесь” — Рамбан комментирует: идите издалека, обращайтесь к местным жителям и спрашивайте: “Где дорога на Иерусалим?”

Зачем?!

Вот зачем. Если человек идет в Иерусалим, и заблудился по пути, пусть обращается к прохожим или жителям ближайшей деревни, рассказывает, что он по пути в Иерусалим, и просит указать ему дорогу. Люди увидят, что многие идут в святой город, к Бэт-Микдашу, и под влиянием этого пожелают тоже подняться в Иерусалим, укрепиться в духовном. Но если человек убил, даже непреднамеренно, Всевышний не желает, чтобы он обращался к другим и рассказывал, что он убийца, и должен бежать в изгнание, и спрашивал, каков путь. Ведь в таком случае люди могли бы привыкнуть к тому, что грех — дело обычное, что такие убийства встречаются нередко, и жизнь других людей в их глазах стала бы терять свою ценность!»

«Вы понимаете, — сказал Хазон Иш, — именно потому, что Всевышнему противны все эти науки и светские дисциплины, он дает изобилие их спонсорам. И в результате один такой спонсор жертвует (какому-либо университету) целое здание. Однако в том, что касается Торы, признания ее важности и ценности, и заслуги поддерживать ее — Всевышний желает удостоить как можно больше евреев. Так что вам, рав из Поневежа, приходится стучаться во множество дверей, разговаривать со многими евреями и вдохновлять их. И дают они немного, чтобы вы продолжали и стучались в дверь к еще одному еврею.

Хафец Хаим говорил, что об этом сказано в стихе Теилим (111:5): “Пропитание дает трепещущим перед Ним — вечно будет помнить Он Свой союз”. Какие удовольствия в этом мире есть у мудреца Торы, гениального праведника? Он ест себе “хлеб с солью” и трудится над Торой, делает открытия в ней и добивается нового понимания. Замечателен его удел в этом мире, и хорошо ему в будущем мире. Что подталкивает его открывать ешиву и нести ее бремя, закрывать Гемару и идти обивать пороги богатых евреев? Об этом и сказано в упомянутом стихе: “Пропитание (*тэ́р-э́ф*) дает трепещущим перед Ним...” Слово “*тэ́р-э́ф*” — однокоренное со словом “*йитарэ́ф*”, как сказано в молитве Рош а-Шана: “Кто будет в метаниях, а кто в покое”. А ведь просто так метаться — это же просто сумасшествие, так зачем Всевышний “подстегивает” их на все эти хлопоты? Поскольку “вечно будет помнить Он Свой союз” — Он желает, чтобы союз Торы (которая названа “союзом” между евреями и Всевышним, см. Недарим 32а), стал известен по всему миру, даже самым далеким евреям!»

Так рассказал мне рав из Поневежа, и из его сказа я понял слова Гемары. Когда люди видят паломников, идущих в Иерусалим, то они привыкают к идее паломничества в Бэт-Микдаш. Сказано, что Элькана, отец пророка Шмуэля, каждый год шел на праздники в Шило другой дорогой, чтобы приучить народ Израиля к тому, что нужно на праздники идти к Бэт-Микдашу. А если видят убийц — привыкают, что человеческая жизнь — не такая уж великая ценность. Как сказано в трактате Макот (96), что в Гильаде часто встречались убийцы, поэтому и непреднамеренных убийств там было больше. Если так, то, когда человек видит женщину *сота*, даже если видит, какое наказание она получает, он может привыкнуть к мысли, что это не такой уж страшный грех. А вино, в таком случае, представляет собой еще большую опасность, поэтому следует отказаться от него. Как велел пророк Элияу: «Не напешься — не согрешишь» (Брахот, 29а).

Однако, давайте все же давайте зададим вопрос: тот, кто видел *сота*, мог бы поклясться, что не будет пить больше одного стакана вина в день (ведь сказано в трактате Ктубот, 65а, что один стакан в день полезен для здоровья, а более того — уже опасно)? Почему он должен стать *назиром* — полностью отказаться от вина, и даже просто от винограда и его косточек, перестать стричься и не заходить в места, где есть *тумба*, и потом еще быть обязанным принести *корбан* в конце срока?

Ответ заключается в том, что *назир* называется «святым», как сказано: «Венец Г-спода его на его голове». Если он, когда увидел *соту*, просто воздержится от вина, это будет всего лишь, что он «сдерживает свое дурное начало». Но если в ответ на увиденное он еще и духовно поднимается и освящает себя, и завершает этот подъем принесением жертвы, то он «одолевает свое дурное начало».

Это прекрасно демонстрирует недавно приво­дившаяся история о *назире*, который пришел к Шимону-праведнику (юноша, который увидел свое отражение в воде и поклялся, что обретет свои красивые волосы ради Небес). Если дурное начало привело его к горделивым мыслям — остриг бы волосы сразу, и все на этом! Что у него, ножниц не было? Но он принял на себя *назирут* — что означает, что в течение месяца ему **запрещено** стричься! Где логика? А логика именно в сказанном нами выше — если бы он сразу состриг волосы, это было бы просто «сдерживание дурного начала». А теперь, когда он принял *назирут*,

его волосы стали частью заповеди, и он не только не поддастся дурному началу, а еще и поднимется к святости, и это — «преодоление дурного начала».

Если задуматься, мы увидим, что эти аспекты борьбы с дурным началом — «сдерживание» и «преодоление» дурного начала релевантны не только в случае, когда человек удержался от греха, но и в случае, когда согрешил и раскаялся. Есть раскаяние в рамках «сдерживания», а есть — в рамках «преодоления» дурного начала. Они параллельны понятиям «раскаяние из страха» и «раскаяние из любви». Ведь в раскаянии из страха человек всего лишь жалеет о том, что совершил грех. А в раскаянии из любви он осознает, как плохо и горько оставлять Всевышнего, и старается служить Ему во много раз больше, чтобы искупить нарушение. Как сказано в «Мидраш Раба» (Вайикра, 21:5): «Если ты совершил груды грехов, напротив их — совершил груды заповедей».

Это помогает и понять, почему, когда человек раскаивается из страха, его намеренные грехи засчитываются, как ошибки, а при раскаянии из любви — они засчитываются, как заслуги. Ведь, на первый взгляд, было бы достаточно, чтобы они просто стерлись, и были полностью искуплены. Но еще и получить награду за грех?! Однако это и есть суть «преодоления дурного начала», когда человек приумножает заповеди в противовес соблазнам дурного начала. И сказано: «Человек не может понять слова Торы, пока не споткнется на них». Получается, что грехи и раскаяние были подготовкой и причиной его духовного подъема, как подготовка к заповеди. Поэтому-то они и превращаются в заслуги!

Когда злодейская советская власть желала уничтожить иудаизм, она яростно преследовала тех, кто хранил его. Мы же изо всех сил старались противостоять им. Я — своим путём, а мои зятя (мужья сестер моей жены) — своим. И от них я услышал лозунг: «Изначально — через верх!» А именно, когда человек натывается на препятствие, например, стену, он пытается обойти ее, найти ключ к закрытой двери или лазейку. И только если ничего не получается — начинает перелезать через стену, т.е. преодолевает ее через верх.

Так вот в России был лозунг: «Изначально — через верх!» Сразу полезем на стену и преодолеем ее! Потому, что обойти препятствие — это «сдержать дурное начало», а пройти над ним — это «преодолеть дурное начало».

Перевод: 2-жа Лея Шухман

Истинное освобождение

По материалам уроков
рава Игаля Полищука

Одной из центральных тем, проходящих через всю Тору, и определяющих еврейский образ жизни является *кэдушáт азмáним*. Это дословно переводится как «святость времён». Речь идёт о придании отдельным периодам времени и годовщинам определённых событий особого статуса, выделяющего их из будней. Рамхаль в своей книге «Даат Твунот» пишет, что источник этого — более возвышенное духовное озарение, снисходящее из высших миров и раскрывающееся в нашем мире. Это то, о чем мы говорим в праздничной молитве: «Освещающий Израиль и времена».

Происхождение особой святости отдельных периодов времени в нашей жизни имеет два источника. Один из них — это придание им этого статуса самой Торой в качестве заповедей. Сюда относятся Шаббат, а также праздники и новомесячье (*рош хódэш*), в освящении которых участвует и еврейский народ. Другим источником являются чудесные события, происшедшие по воле Всевышнего с еврейским народом, духовное влияние которых возвращается заново каждый год. В силу этого наши мудрецы постановили сделать их даты праздничными днями. Речь идёт о Хануке и Пуриме.

Сегодня мы находимся во временном периоде отсчёта Омера. Этот период начинается с Песаха и заканчивается в Шавуот, и имеет прямое отношение к затронутой здесь теме святости времени. Источником особой святости этого периода являются события, происшедшие с нашим народом от выхода из Египта и до получения Торы, описанные в недельных главах Бешалах и Итро.

Во все дни Песаха в молитве Мусаф мы называем этот праздник *зэмáн хэрутэну* (время свободы нашей). И здесь я вижу некоторое противоречие. Сказано в Пиркэ Авот (6:2): «А скрижали — создание Б-га, и письма на них — письма Б-га, вырезанные (*харут*) в скрижалях. Читай не *харут*,

а *хэрут* (свобода)». То есть истинного освобождения мы удостоились с получением скрижалей, день получения их — это то, что мы празднуем каждый год в праздник Шавуот. Почему же Песах, а не Шавуот, праздник дарования Торы, мы называем *зэмáн хэрутэну* (время свободы нашей)? Те, кто пытаются объяснить себе смысл Песаха, не углубляясь в Тору и слова мудрецов, противоречия здесь не видят. Для них Песах — это праздник освобождения от физического рабства. Если понимать его таким образом, то можно и праздновать, как это делают в Израиле в некоторых левых кибуцах, поедая мацу вместе с хлебом. Однако не это истинное понимание слов *зэмáн хэрутэну*. Книга «Зоар» говорит, что есть два уровня освобождения: низший и высший. Первый — это Песах, а второй — Шавуот.

Наше порабощение в Египте касалось не только каторжной работы. Наш народ там оказался порабощён духовно, оказавшись в плену верований египтян с их обрядами и обычаями. Эта проблема актуальна и сегодня. Многие евреи Европы и Америки искренне радуются выходному дню, который в христианских странах выпадает на воскресенье. Это чисто христианский праздник. Эта радость не так уж безобидна. Она свидетельствует о нашем духовном порабощении царством Эсава, когда чуждые нам ценности проникают в наш народ. Истинное освобождения для нас — это освобождение от духовного порабощения этими ценностями. В этом плане первой стадией духовного освобождения евреев от египетского рабства было принесение в жертву Всевышнему ягнят, которым поклонялись египтяне.

Евреям в Египте, не так-то просто было решиться на это. Пребывание под властью египтян оказывало дурное влияние на евреев. Пребывание наших предков в египетском рабстве и наше сегодняшнее проживание в среде народов мира, живущими согласно идеалам, далёким от идеалов Торы, оказывало и сегодня оказывает на нас тяжелейшее влияние. Часто мы смотрим на себя их глазами и стыдимся поступать «не как люди», полагая таковыми не себя, а представителей окружающего

нас большинства. При этом мы разрешаем себе то, что считается дозволенным у них. Это актуально и для сегодняшнего Израиля.

Таким образом, помимо физического освобождения, у нас есть ещё две причины называть исход из Египта временем нашей свободы. Первая — это освобождение от духовного влияния египтян, а вторая — то, что изначально целью этого исхода было получение Торы. Духовное освобождение нашего народа в Египте началось с прихода Моше, с того, что народ Израиля поверил ему, и далее увидел бессилие египтян и их божков перед Всевышним в период десяти казней. Подготовка нашего народа к получению Торы началась между девятой и десятой египетскими казнями. И именно в этот период наш народ получил заповеди освящения месяца и принесения пасхальной жертвы и так далее на все будущие времена. Смысл же физического освобождения из египетского рабства состоит в том, что с него начался путь к горе Синай. Однако начало этому пути положили действия и явления, имевшие характер духовный: принесение пасхальной жертвы и казнь первенцев. Наш народ вышел из египетского рабства, чтобы получить Тору на горе Синай, зная, что через 49 дней это произойдёт. Поэтому евреи отсчитывали дни Омера. И всё это было началом процесса обретения Торы нашим народом. Таким образом, мы называем Песах *зман хэрутэну* именно в знак обретения нами свободы от духовного порабощения египетским мировоззрением во всех его аспектах и подготовки к получению Торы. Подготовка эта — семь недель *омера*, соответствующие семи чистым дням. Это были 49 дней выхода из 49 врат духовной скверны, из-под того влияния египетских нравов, под которым евреи оказались в Египте. Параллельно с этим происходил подъём на 49 уровней святости. В нашей сегодняшней ситуации очень мало кто из евреев может сказать, что на него не оказывает влияние нравы, царящие в России или Америке, Освобождение от этого влияния и есть тот выход из-под власти Эдома, который мы, с Б-жьей помощью, ожидаем.

И тут я хочу коснуться темы, имеющей отношение к сегодняшней израильской жизни. В гимне «аТиква́» говорится о тысячелетней надежде нашего народа стать «свободным народом в своей стране». Однако то, что мы наблюдаем в Земле Израиля сегодня — это не освобождение. Это принесение в Святую землю и в наш народ всех недостатков и пороков, которые есть в культуре окружающих нас народов. Погоня за властью, культ силы и «еврейский» национализм — это на самом

деле не еврейское явление. Оно не имеет никакого отношения к двухтысячелетним мечтам нашего народа об освобождении. Первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион мечтал о времени, когда будет создано еврейское государство со своими ворами и проститутками. Он сказал, что нужно будет говорить благословение «Шеихияну», когда мы «удостоимся» дожить до этого. Ну что же, его мечта сбылась. Однако нужно хорошо понимать, что это полная противоположность того, что мы в Песах называем временем нашей свободы. *Зман хэрутэну* — это время освобождения от власти духовного зла, преобладающего в окружающем нас мире. А то, что нам «продают» под видом свободы — это тяжелейшее духовное и порабощение нашего народа чуждыми ему «измами» и повадками, властвующими в окружающем нас «свободном» и не слишком свободном мире.

Чем большей святостью обладает какое-либо понятие, тем больше силы зла пытаются осквернить его. Поэтому сегодня у части нашего народа синонимом понятия «свобода» стала распущенность. Есть день, который в Израиле называется *Йом ацмаут* (День независимости). Часть сегодняшнего израильского общества вкладывает в понятие независимости в том числе (кроме всего прочего) и независимость от веры, от Творца и от бремени заповедей, данных Им еврейскому народу. Нет ничего более противоречащему духовному наследию еврейского народа, чем это. Для нашего народа оторваться от Всевышнего — это оторваться от основ своего собственного существования.

Нужно хорошо понимать, что сегодня существует грубейшая фальсификация понятий «еврей» и «еврейское государство». Корень этой фальсификации в непонимании того, что есть «время свободы нашей». К истинному духовному освобождению мы приходим, приближаясь к Шавуоту, когда ведём счёт Омера со второго дня Песаха, исправляя себя духовно. Физическое освобождение нашего народа от египетского рабства, безусловно, тоже было важно. Но в первую очередь речь идёт о начале его освобождения от духовного порабощения верованиями и обычаями египтян. Превращение же народа Израиля в ухудшенную разновидность народов мира не имеет никакого отношения к понятию свободы. Нам нужно молиться о том, чтобы наш народ осознал это и вернулся к своим истокам, и чтобы все мы удостоились истинного освобождения. В основе этого освобождения лежит наше освобождение от собственного дурного начала. И наш путь к нему — изучение и распространение Торы.

Подготовил: рав Цви Маламуд

«Преодоление»

Рав Авигдор Хают

Рав Авигдор Хают тяжело пострадал и потерял сына и ученика во время трагедии на Мероне, когда в давке погибли 45 человек.

В период отсчета Омера мы много говорим о нашем отношении к ближнему. Двадцать четыре тысячи учеников раби Акивы умерли — так написано, сами мы не имели бы права такое сказать, кто мы такие, чтобы судить об их поступках, — оттого что с неуважением относились друг к другу...

Я хочу спросить. Если я нахожусь рядом с кем-то, кто меня обидел, плохо ко мне отнесся, что я должен делать? Промолчать? Аплодировать ему? Благодарить? Допустим, я должен судить его к лучшему, но что я должен объяснить самому себе? Все зависит от очков, которые мы надеваем. Я могу решить, что он — не прав, и действовать соответственно, или я могу надеть очки веры, сказать, что он, действительно, не прав, но он — лишь посланник.

Если собаку бьют палкой, она изо все сил пытается укунить палку, а укунив, как следует, — успокаивается. С ее точки зрения — палка, которая ее ударила, должна получить по заслугам. Если бы эта собака понимала, что не палка бьет ее, что есть кто-то, кто держит эту палку в руках...

Когда мы понимаем, что то, что происходит с нами вызвано не внешними причинами, когда мы понимаем, что палку, которая бьет нас, Кто-то держит в руках, наша жизнь выглядит иначе.

В один день, примерно через полгода после трагедии на Мероне, я заскочил домой во время своего короткого перерыва, и тут раздался стук в дверь. На пороге стоял нерелигиозный молодой человек, который радостно приветствовал меня: «Рав Авигдор! Как дела? Как Вы себя чувствуете? Я так рад Вас видеть!»

Прошло несколько секунд, в течение которых он понял, что мы с ним — не на одной волне: «Вы меня не узнаете?» — «Нет». — «Я — Адир». — «У Вас замечательное имя, но, простите, я Вас не узнаю».

Растерянный взгляд на табличку на двери: «Рав Хают?» — «Да, Авигдор Хают — это я». — «Ваш

сын...» — «Йедидья...» — «И Ваш ученик...» — «Моше...» — «Вы были госпитализированы в больнице “Зив” в Цфате в Шаббат после катастрофы?» — «Да». — «Неужели Вы меня не узнаете? Я приходил к Вам в тот Шаббат, сидел возле вашей кровати, мы проговорили полчаса. Не помните?» — «Нет». — «Надо же... Я работаю на телеканале. Во время семидневного траура я приходил к Вам со своей командой. Мы беседовали с Вами, с Вашей женой... Не помните?» — «Нет». — «На кладбище в Петах-Тикве, во время установления памятника... Не помните?» — «Нет». — «Ну что ж, это очень обидно, но что делать... До свидания».

«Минутку, не обижайтесь. Знаете, сколько людей приходило к нам в то время? Как я могу помнить всех? Но, в любом случае, спасибо за время, которое Вы нам посвятили». — «Хорошо, я не обижаюсь. Но сегодня я специально взял выходной, чтобы задать Вам один мучающий меня вопрос». — «Спрашивайте». — «Я провел с Вами много времени. Слышал про веру, про еврейский народ... В то время перед камерой это звучало очень эффектно, но я хочу спросить Вас спустя полгода... Какие у Вас отношения со Всевышним сегодня?» — «Замечательные... Все в порядке!» — «Все в порядке? То есть Вы вырвали квадратик из своего удостоверения личности, вырвали своего первенца из своей жизни, и у Вас все в порядке?»

испытаний»

Тут я начал нервничать: «Идите сюда, — я подвел его к портрету Йедида на стене. — Неужели Вы думаете, что это легко? Да Вы понимаете, как мне тяжело? Разве он нужен мне на портрете? Он мне нужен живым, чтобы я мог с ним поругаться...»

Я показал ему серебряный бокал: «Вы знаете, для чего это?» — «Для Кидуша. Что за вопрос?» — «Что отсюда пьют?» — «Вино или виноградный сок...» — «Вам доводилось пить вино, смешанное со слезами?» — «Нет». — «А мне доводилось. Неужели вы думаете, что это легко?»

«Ну так Вы только заострили мой вопрос! Вы должны сказать Ему: “За что? Почему именно? Чем я хуже других?”... А Вы — “Замечательные отношения... Все в порядке...”»

Я вижу, что он, действительно, хочет понять, но я должен через двадцать минут вернуться в класс: «Может, зайдете вечером? Посидим, поговорим...» — «Не могу». — «Завтра утром?» — «Нет». — «Через два дня у меня урок для девушек в Маалот, хотите, поедem вместе?» — «Ни о каких уроках не может быть и речи. Не на того напали...» — «Нет, Вы не поняли. Урок для девушек. Вам там, в любом случае, не место. Но Вы можете поехать со мной: два часа — туда, два часа — обратно. У нас будет время поговорить. Зададите все ваши вопросы».

Он звонит начальству, договаривается и дает согласие: «Но по дороге туда я должен буду работать на компьютере. По возможности, в машине должна быть тишина. А на обратном пути поговорим. Двух часов мне хватит».

В назначенный день я забираю его из его дома в Тель-Авиве. «Добрый день» и... обет молчания на два часа.

По приезде в Маалот я оставляю его в машине с работающим кондиционером, через сорок минут я должен вернуться. На выходе с урока меня осеняет идея. Мы находимся недалеко от Мерона — двадцать две минуты езды. Я говорю ему: «Адир, Вы

столько времени посвятили мне — в больнице, во время семидневного траура, на кладбище... Можно попросить у вас еще двадцать две минуты?» — «На что?» — «Мерон...» — «Нет, только не это...» — «Но почему? Это — святое место. Раби Шимон бар Йохай...» — «У меня нет проблем ни с великим мудрецом, ни с этим святым местом... Но мы застрянем там на несколько часов, а я должен вернуться в студию». — «Я вам обещаю, что мы пробудем там не более десяти минут». — «Ладно, езжайте».

Мы приезжаем на Мерон. Я говорю ему: «Засекайте время. Дайте мне пять минут помолиться, а потом я хочу Вам что-то показать».

Выходим, он говорит, что знает короткую дорогу. Я объясняю ему, что я веду его, а не он — меня.

«Но Вы же хотите отвести меня на место катастрофы?» — «Вовсе нет». — «Куда же?» — «На место зажигания костра адмором из Толдот-Аарон, там мы приняли на себя Бремя Небесного Царства...» — «Ну, пойдem».

Мы приходим на место. Я показываю ему: «Вот здесь стоял я. Справа от меня — Моше, мой ученик,

он мне был как сын... Слева — мой первенец, Йедида. Благословенна их память. Впереди — мой сын Шмуэль, который спасся по великому милосердию Всевышнего. Представляете, здесь были представители всего еврейского народа, представители всех течений в иудаизме, здесь были все возможные кипы, включая их полное отсутствие... Десятки тысяч...»

«Вы рассказываете мне, что такое Мерон? Я каждый год сюда приезжаю. И в прошлом году я был здесь, уехал за час до того, что произошло. Я прекрасно знаю, что это такое...»

«Отлично. И вот, представьте себе, я решил, что нам пора уходить. Куда, по-Вашему, я должен идти?» — «Что за вопрос! Сзади Вас — ступеньки, туда и идите...» — «Прекрасно, но я не пошел по тем ступенькам. Я их не заметил... Какие еще могут быть варианты?»

Что такое Мерон до трагедии?

Он показывает мне еще девять возможностей. Ни одну из них мы не использовали... Я показываю ему на огражденную территорию: «А что там?» — «Там — ничего». — «Пойдемте, посмотрим».

Мы проходим через ограду. Он подсказывает на месте: «Я не могу поверить... Это — тот самый коридор, просто я его знаю с другой стороны... Но как вы здесь очутились?»

Я молчу.

«Вы говорили, что во время катастрофы находились в полном сознании. Вы можете показать, где точно Вы были?» — «Конечно. Вот здесь, в десяти сантиметрах от ступенек. Скажите главу из Теилим в память о сорока пяти погибших здесь, и поедem домой...»

Мы говорим Теилим. Он продолжает стоять на месте.

«Через сорок восемь секунд заканчиваются обещанные мною десять минут...»

Он стоит, не двигаясь...

«Я знаю, что не имею права это говорить, но я не могу не сказать...» — «Говорите...» — «Если бы вы пришли сюда на две секунды раньше, на две секунды, не более того, вы бы благополучно миновали этот коридор. Все произошло бы за вашими спинами...» — «А если бы мы немного задержались?» — «Вы бы уже не смогли зайти сюда...»

«Теперь Вы видите руку Всевышнего... Вы каждый год бываете на Мероне. Сколько времени нужно человеку, чтобы все успеть в Лаг ба-Омер?» — «Ну, только подняться на гору — целое дело... Зайти на могилу — о, это непростое мероприятие... Принять участие в зажигании костра, потом спуститься обратно... Четыре-пять часов, как минимум». — «Знаете, когда мы приехали? Я храню билеты на поезд в своем бумажнике. Вот, смотрите, мы приехали без десяти двенадцать. Когда началась катастрофа?» — «В 12.41...» — «То есть, мы все успели за пятьдесят одну минуту. Мы были наверху, зашли помолиться на могиле, присутствовали при зажигании костра и принятии Бремни Небесного Царства... Успели все! Что Вы на это скажете?» — «Невероятно!» — «А я скажу — рука Всевышнего!»

Мы садимся в машину. Он молчит. Через десять минут я не выдерживаю: «Мне не мешает, что Вы молчите. Но я помню, Вы хотели поговорить. Я в ближайшее время не планирую еще одну такую поездку... Если у Вас есть вопросы, сейчас самое время их задать, другого раза пока не предвидится...»

«У меня нет вопросов... Рука Всевышнего, так рука Всевышнего... Я не спорю. Но вот два дня назад я предположил, что Вы с легкостью это все пережили, и Вы в ответ меня чуть не съели. То есть это тяжело, верно?» — «Ваше счастье, что здесь нет обочины. Не то я бы высадил Вас из машины...» — «Но почему это тяжело? Если Вы понимаете, что таково желание Всевышнего, Вам должно быть нетяжело его принять?»

«Скажите, Вы в школе учили Танах?» — «Да». — «Помните про праотца Авраама? Что ему пришлось пережить?» — «Десять испытаний. Он их выдержал, “как большой”». — «Ицхак...» — «Разве у него были испытания?» — «Двадцать лет у него не было детей. А потом у него родился Эсав». — «Да, это испытание... Вы правы». — «Яков...» — «Ой, бедняга, сколько он натерпелся...» — «Моше...» — «Да это — трагедия — то, что происходило там, в пустыне...» — «Аарон...» — Он помолчал какое-то время: «А, двое его сыновей погибли...»

«Там, сзади, у меня лежит Хумаш. Можете достать? Просто я за рулем... Я, более-менее, помню эти стихи наизусть, но вот один выскочил у меня из памяти. Можете мне зачитать?» — «Да, конечно. Что именно?» — «Глава Лех Леха. После всех испытаний Авраама там есть одна фраза... Ну, как же это... Ну, когда после всех испытаний Авраам танцует и поет... Как это звучит?»

Он листает, доходит до конца Лех Леха.

«Нет, это не в Лех Леха. Посмотрите в Хаей Сара».

Он читает: «И стал Авраам горевать о Саре и оплакивать ее...»

«Стоп. Что значит оплакивать? Он, что, не понимает, что это — рука Всевышнего? Он не знает, что в этом заключается желание Творца? Мидраш говорит, что когда Авраам вел Ицхака на заклание, его сердце ликовало, а глаза были полны слез. Откуда слезы? От недостатка веры во Всевышнего? Нет, конечно. Авраам верит полной верой. Но он — человек! Его сердце ликует, выполняя заповедь Творца. Но он плачет, потому что он — человек. За что Аарон получил награду? За то, что веселился, узнав о смерти своих сыновей? Нет, в Торе написано: “И молчал Аарон...”. **Боль не означает недостатка веры. Можно верить и при этом испытывать боль!**»

По пути домой из Тель-Авива в Бней-Брак я обращаюсь к Всевышнему с благодарностью. Крепкий орешек — этот Адир, но мы неплохо поговорили... И все же что-то не дает мне покоя. Может быть, он прав? Не пришло ли время начать искать

положительные стороны во всей этой истории? Одна только мысль о том, что в этой жуткой катастрофе может быть что-то положительное, уложила меня на два дня в кровать с высокой температурой... И все-таки я начал над этим работать. И сегодня готов с вами поделиться.

Меня забрали с Мерона в полном сознании, в состоянии средней тяжести, на грани тяжелого состояния. Через несколько минут машина скорой помощи доставила меня в больницу «Зив» — уже в тяжелом состоянии и без сознания. Через полтора часа, после реанимации, я очнулся. Меня привезли на проверку MRI. Вокруг меня суматоха — врачи, медбратья, медсестры... Последние указания перед проверкой... и в эту минуту у меня звонит телефон. Врач запрещает мне подходить к телефону. Я объясняю, что оставил там, на горе, троих детей, и не могу не ответить. Включаю громкую связь, на проводе — мой сын Шмуэль, которому десять с половиной лет:

«Папа, ты где?» — «Я тут, в Цфате. Отдыхаю... А ты где?» — «На Мероне». — «Что там происходит?» — «Ой, папа, ты себе не представляешь. Тут так интересно! Вертолеты, тракторы службы спасения, машины скорой помощи...»

«Так... А чей это телефон? Дай-ка мне его... Вы кто?» — «Меня зовут Илель. Я из Бейтара. Это Ваш сын?» «Да, мы были вместе, когда началась давка. Я в больнице, вроде в порядке, но я не очень могу говорить. Послушайте, есть одна проблема. Его проездной билет у меня. Он не сможет попасть домой. Там где-то его брат с другом. Помогите ему их найти, отправьте всех троих в Цфат, я отдам им проездные, и они поедут домой, в Бней-Брак». — «Не думаю, что это — хорошая идея. Лучше я их сразу отправлю в Бней-Брак». — «Делайте, как считаете нужным. Я потом с Вами рассчитаюсь». — «Ладно, я их поищу. Как они выглядят?»

«Вы их легко найдете. Мой сын Йедиद्या — выше меня. Ему всего тринадцать лет и два месяца, но рост у него — 1.80. Высокий, широкоплечий. Его хеврута — полная ему противоположность. В два раза ниже его, худенький, рыжий. Эту парочку Вы не сможете пропустить, даже если захотите».

Теперь я был спокоен... Чем все закончилось, хорошо известно...

Через три недели Илель приехал ко мне домой. (Во время семидневного траура он приезжал каждый день, он же составил текст, выгравированный на могиле...)

«Рав Авигдор, у меня к Вам просьба. Давайте съездим на Мерон». — «Еще один... Все беспокоят, как-бы у меня не осталась травма... Не волнуйтесь за меня. Я уже был на Мероне, как только окончился недельный траур». — «Нет, нет, это нужно для меня». — «Имейте в виду — у меня раздроблена лодыжка и переломано несколько ребер. Вам придется возить меня в инвалидном кресле». — «Так мы можем ехать?» — «Думаю, что да».

Мы приезжаем, молимся. Я понимаю, что он поведет меня на место трагедии, ему это важно... Но нет. Он долго-долго возит меня — вверх-вниз... Наконец, он подвозит меня к каким-то ступенькам. Говорит: «Вот эта, вторая, ступенька — она святая...»

Я понимаю, ему нелегко пришлось. Столько всего увидел, бедняга. Медицине известны такие случаи...

«Именно вторая? Не первая и не третья?» — «Закончив говорить с Вами по телефону, я вдруг осознал, какая ответственность свалилась на мои плечи. Я должен найти двух детей, но еще раньше я должен увести отсюда ребенка, который не должен видеть то, что здесь происходит. Три часа я возился с ним, показывал ему вертолеты, пытался увести его подальше. Одна нога у него была вывихнута, и он неумоимо скакал на второй. Так мы добрались сюда. Я был измотан морально, он — физически. Сели на ступеньку. И тут я увидел, как в нашу сторону направляются двое из организации «Зака» (*эта организация занимается опознанием жертв несчастных случаев — прим. пер.*), несущие труп... Владыка мира! Три часа я потратил на то, чтобы увести ребенка подальше от этих зрелищ, и вот, пожалуйста, — на блюдечке с золотой каемочкой... У меня с собой был пакет с томом Гемары, я сунул этот пакет ему в лицо, но его не перехитришь, он пытается выглянуть из-за пакета.

Трагедия в Лаг ба-Омер — взгляд изнутри

Я ему не даю... Наконец, они прошли... Если Ваш сын скажет Вам, что я — ненормальный, Вы будете знать, почему».

«Илель, мы вчетвером впервые в жизни были на Мероне в Лаг ба-Омер. Всевышний выбрал из нас двоих. Для них этот первый раз стал последним. Мы не спрашиваем, почему. Не спрашиваем, потому что никто не сможет нам ответить. Даже прожив тысячу лет, человек не сможет постичь замыслов Всевышнего. Почему-то двоих Он забрал, а меня отправил на Цфат на капремонт и на переосмысление своих поступков. А что со Шмуэлем — страшно любопытным десятилетним мальчишкой? Он видел, что папу увезла “скорая”, он не может найти старшего брата и его друга. И вот он видит, как, один за другим, накрывают трупы погибших... Насколько я его знаю, он бы отправился проверить, кто там. И, поискав, непременно нашел бы. И если бы это, не дай Б-г, случилось, ни один психолог в мире не смог бы ему помочь! И Всевышний посылает ему Илеля.

Все мы знаем историю продажи Йосефа. В Торе нет ни одной лишней буквы. Зачем же Тора тратит целое предложение, рассказывая нам: “Вот караван ишмаэльтян идет из Гильада, и верблюды их несут пряности” (Берешит, 37:25)? Пряности, а не нефть, чтобы праведник в дороге не страдал от неприятных запахов...

Представьте себе человека, которого, не про нас будь сказано, похитили. Его силой запикивают в машину, объявляют ему, что он похищен, угрожают ему... И тут же добавляют, что он может успокоиться, потому что специально для него машину опрыскали духами с запахом ванили... Ну теперь-то он спокоен. Подумаешь, похитили... Что будет дальше — полная неизвестность. Но зато сейчас он вдыхает аромат ванили... Разве это имеет для него какое-либо значение? Разве он способен сейчас наслаждаться запахом?

Но тогда зачем Тора говорит об этом?

Всевышний как-бы говорит Йосефу: “Ты сейчас не можешь понять, что происходит. Тебе всего семнадцать лет, ты сирота, еще пару часов назад ты учил с папой Тору, и вдруг тебя везут в Египет, в рабство... Если Я скажу тебе сейчас, что в будущем ты станешь царем, ты меня не услышишь, ты не в состоянии сейчас это понять”. И Всевышний посылает Йосефу караван с пряностями, говоря: “Ты не можешь понять происходящего, но ты должен знать, что Я с тобой”.

Илель, Всевышний послал Йосефу караван с пряностями. Мне он послал Вас».

Многие спрашивают, какой момент во всей этой истории был для меня самым тяжелым. Сама катастрофа? Известие о гибели сына? Известие о гибели ученика? Похороны? Все это были очень тяжелые моменты. Но был момент еще более тяжелый...

Меня перевели в отделение под утро. Пожилая медсестра, зайдя в комнату, стала причитать: «Какой ужас! Катастрофа!» — «Это я, что ли, катастрофа? Вы, что, раненых никогда не видели? По-моему я не так уж плох...» — «Сорок человек!» — «Да Вы что? Сорок раненых?!»

Она в истерике выбежала из палаты. Кто-то сказал мне: «Сорок убитых...»

Сорок убитых... Видимо, где-то еще что-то случилось. Там, где пострадал я, вряд ли кто-то погиб. Я был в самом низу, если я выжил, остальные — и подавно...

Мои родители обзвонили все больницы на севере в поисках Йедида и Моше, мой брат съездил в Абу-Кабир (*израильский Институт судебной медицины — прим. пер.*), их нигде нет. Где же они? Очевидно, как и другие десятки тысяч, едут домой.

Проходит время. Волнение сменяется гневом. Неужели они не могут позвонить? Попросить у кого-то телефон, сказать два слова, сообщить, что с ними все в порядке? Ну, я с ними еще поговорю...

Время от времени мы созваниваемся с женой: «Ты что-нибудь слышал?» — «Нет, а ты?»

В полчетвертого я звоню ей очередной раз: «Как дела?» — «Ничего...» — голос ее звучит странно.

«Есть новости?» — «Э... Я сейчас не могу говорить. Не отключайся, я оставляю телефон на балконе...»

Телефон на балконе? Это же не цветочный горшок... «Эй, але!»

«...Похороны Моше Леви состоятся...»

Как, похороны? Я уверен, он едет домой...

Осознав, что произошло, я пошел по самому легкому пути — я просто потерял сознание. Меня привели в чувство и объяснили, что Моше, действительно, был принят в Небесную ешиву. Он не может там быть один, ему нужен напарник по учебе, поэтому Йедида отправился вместе с ним...

Что я чувствовал в тот момент? От всего сердца я желаю вам никогда этого не знать. Неопишуемая боль. Всего несколько часов назад мы присутствовали при волнующем зажигании костра, приняли на себя Бремя Небесного Царства... И где мы теперь?

Слезы брызнули у меня из глаз. Но я сумел взять себя в руки. Было объявлено о похоронах Моше.

Большая заслуга - быть похороненным в пятницу после полудня. А что с Йедидыей? Я позвонил брату:

«Ты где?» — «В Абу-Кабир». — «Похороны сегодня?» — «Ни в коем случае!» — «Почему?» — «Потому что сегодня ты не сможешь в них участвовать». — «Я не хочу в этом участвовать. В моем ежедневнике нет таких планов. Я планировал женить его через несколько лет... Хоронить его я совершенно не планировал и не хочу... Но мне важно, чтобы он был похоронен сегодня». — «Ты уверен? Я попробую выяснить».

Через несколько минут он перезванивает: «Авигдор, не с кем говорить. Сегодня больше тела не выдают». — «Ты не знаешь, что надо делать? Стукни по столу!» — «Ты не представляешь себе, что здесь происходит. Не с кем говорить...»

Я в больнице, наедине со своей болью. Я понимаю, что должен предпринять все возможные усилия, чтобы сделать последний подарок своему сыну. Вокруг меня - полно журналистов. Я позвал одного из них: «Я готов говорить с вами, но при соблюдении двух условий. Во-первых, я согласен выступать только в прямом эфире. Во-вторых, все, кто хотят меня услышать, пусть приходят сейчас, другого раза не будет».

Спустя несколько минут вокруг меня образуются лес из микрофонов.

«Спасибо всем, за то, что были со мной. К сожалению, Моше и Йедидыею уже не вернуть... Я хочу, пользуясь случаем, обратиться в судебное подразделение Абу-Кабир. Я требую выдачи тела моего сына. Отпустите его из плена. Хотите, совершим обмен пленными? Я приду и буду находиться у вас вместо него столько, сколько потребуется...»

Журналисты стали обсуждать резонанс моего требования. Среди общего гула ко мне подошла одна из журналисток и, глотая слезы, протянула мне несколько листов: «Может быть, Вам это поможет».

Что это может быть? Я беру листочки в руки. Список телефонов всех членов Кнессета. Я ни с кем из них не знаком. Но если они могут помочь, почему бы и нет... Я беру в руки телефон.

Первым в списке значится Ахмад Иви.

«Шалом, доктор Ахмад. Говорит Авигдор Хаят. Мой сын Йедидыея погиб на Мероне». — «Мои соболезнования. Чем я могу помочь?» — «Я хочу, чтобы его похоронили сегодня. В Абу-Кабир не выдают тело». — «Я им позвоню».

Ой, это работает!

Я начинаю звонить всем подряд - правым и левым, евреям и арабам, мужчинам и женщинам,

религиозным и светским... с одной-единственной просьбой. Позвольте мне сделать последний подарок моему сыну. Перед такой просьбой никто не может устоять.

Меньше чем через час звонит мой брат: «Произошло что-то невероятное. Ко мне обратился начальник Абу-Кабир: “Забирайте его и уходите! Каждую секунду является очередной парламентарий, телефон и факс работают без перерыва. Забирайте и уходите!” Смотри, мы похороним его, но ты должен понимать, что это будут очень короткие похороны, без траурных речей... Ты это устроил!» — «Большое спасибо. Это именно то, чего я хотел! И поторопитесь. Скоро Шаббат!»

Я звоню маме.

«Мы на кладбище. Йедидыея в дороге... Здесь уже несколько сотен человек». — «Мама, когда Йедидыея приедет, позвони мне. Я хочу слышать...» — «Слышать нечего. Нет траурных речей». — «Я хочу слышать плач по нему. Позвони».

Полчаса проходит, никто не звонит. Еще пятнадцать минут - я понимаю, что мне забыли позвонить, и звоню сам: «Спасибо за все. Шаббат Шалом...»

«Подожди. Знаешь, Йедидыея хочет, чтобы ты участвовал в его похоронах». — «Он хочет? Он вам об этом сказал?» — «Я не могу тебе объяснить. Поговори со своим братом».

Брат рассказывает: «Мы приехали. Работники кладбища говорят, что уже никого не хоронят. Можно идти домой. Я говорю, что они могут идти домой, я справлюсь сам, пусть только покажут мне, где хоронить. Они все поняли. Предупредили, что все будет совершенно очень быстро. Оповещение уже было. Омовение, и сразу похороны. Никаких речей».

Омовение - молчаливый процесс, тут не до разговоров. Но у моего брата была помощь Свыше. Стоя в стороне, он слышит, как работники похоронного братства переговариваются между собой: «Ой, просто сердце разрывается. Такой молодой. А какие длинные пейсы, борода только пробивается...»

Мой брат не выдерживает: «О ком это вы там говорите?» — «Что значит, о ком? О твоём племяннике!» — «Можно взглянуть?.. Это не он!!!» — «Лицо покойника быстро меняется, это известно, еще в Гемаре описаны случаи. Как только тело опознано, ему прикрепляют табличку с именем, чтобы не было сомнений. Вот тут написано: Йедидыея Моше Хаят...» — «Вы хотите сказать, что в Гемаре описаны случаи, когда у покойного вырастали длинные пейсы

и борода? У него короткие пейсы. К тому же, ему всего тринадцать лет! Откуда у него борода?» — «Минуточку...»

Несколько телефонных звонков. «Извините, вышла ошибка...»

Это и был самый тяжелый момент. Владыка мира! Сколько человек может вынести? Ты забрал Йедиью и Моше. Я не задаю вопросов. Я знаю, что у каждого — свой срок. Но для чего весь этот спектакль с похоронами? Для чего? Это не просто ошибка. Это Ты сделал! Для чего?!

Приходит Шаббат. Нестерпимая боль. Двойная боль. Йедиьи нет. И даже похоронить его не удалось...

В комнате полно людей. У каждого — своя история: «я там был...», «я спасся...», «я спасал...», «меня жена не пустила...», «я уже был в дороге, и вдруг машина застряла...»

Мне не нужны их истории. Я хочу тишины. Прошу всех уйти... По крайней мере, закрыть занавеску.

Я — *онен* (статус близкого родственника между получением известия о смерти и похоронами, в это время он не имеет права выполнять заповеди — прим. пер.). Можно ли мне молиться? Все-таки Шаббат... Я открываю молитвенник. Встреча Субботы. 92 глава Теилим.

Прошу прощения, но меня раздражает то, что там написано: «Песнопение с музыкальным сопровождением на день субботний».

У меня раздроблена лодыжка, а не то бы я пустился в пляс. Почему только «песнопение»? «Хорошо благодарить Г-спода...» — Хорошо? Что же здесь хорошего? — «...и воспеть Твое Имя, Всевышний!»

Достаточно! Я захопываю молитвенник. Помолимся как-нибудь в другой раз!

Через несколько минут я говорю самому себе: «В общем-то, ты прав. На исходе Шаббата ты откроешь молитвенник и начнешь писать “Комментарий Авигдора”. Выплеснешь весь свой цинизм... И что ты с этого будешь иметь? Кто написал Теилим? Царь Давид! Какие испытания он прошел в своей жизни? Разве можно сравнивать его испытания с твоими? Попробуй взглянуть на эти слова по-другому...»

Я снова открываю молитвенник: «Утром возвещать о Твоем милосердии, и о вере Твоей — по ночам». Разве верить надо только по ночам?

И тут я впервые понял, что такое вера. Я верю, что вы сидите передо мной? Нет, я вас вижу! Вы говорите, что на улице бродит собака. Я могу вам поверить. Но если я вышел и увидел собаку, я уже не могу сказать вам: «Да, вы правы. Там, действительно, собака. Я вам верю...»

Вера — это ночь! Когда мы ничего не видим и ничего не понимаем. Утром есть милосердие. Есть утро, когда все ясно, все понятно. И есть ночь, когда мы не понимаем, что происходит.

«И о вере Твоей»... Твоей?! Царь Давид, наверное, хотел сказать: «И о вере моей в Тебя»... Я верю в Тебя, даже если не понимаю, что происходит... Что значит «о вере Твоей»? Вере в кого?

В того, кому посылается испытание. Человек получил испытание. Как он его воспримет? Что он с ним сделает?

В «Псукей де-Зимра» мы говорим: «Ты даешь снег, как шерсть...». Объясняет Хида, что Всевышний посылает снег соответственно имеющейся у нас шерсти. Я сказал сам себе: «Авигдор, Всевышний послал тебе страшное испытание, Он же послал тебе громадные силы для его преодоления. Надо только найти их...»

Позже я спросил у отца Моше, как они провели Шаббат, после того что удостоились похоронить сына.

«Довольно-таки спокойно» — сказал он. — «То есть... Вы пошли в синагогу, потом пели песни во время трапезы и танцевали вокруг стола, а после трапезы отправились гулять?» — «Не совсем. В синагогу мы не ходили. Песни за столом пели, но без танцев... Гулять... Да, мы пошли гулять». — «Куда же вы пошли?» — «Вам разве не рассказывали? Мы пошли к вам домой. Нам сказали, что учитель Моше в больнице, Йедиью не удалось похоронить, его жена — одна с детьми. Мы пошли ее навестить...»

Известно, что существует громадная разница между тем, кто еще не похоронил своего умершего родственника и тем, кто уже похоронил. Первый называется «онен», он не имеет права нарушать запреты, но и не должен выполнять повелительные заповеди. Второй — «авель», за небольшим исключением, он выполняет все заповеди. Тот, кто уже похоронил, ощущает своего рода спокойствие...

Сегодня я говорю Всевышнему: «Спасибо, что Ты подменил тело. Спасибо за этот Шаббат в статусе *онен*. Спасибо за эту дополнительную боль, без которой я бы не смог дойти до тех ступеней веры, до которых дошел, и которые дают мне силы до сих пор...»

Я благодарен Всевышнему за соратника в моем горе. Мы вернулись с похорон на исходе Шаббата под утро. Ночью никто не спал. После утренней молитвы брат сказал, что я должен немного вздремнуть, скоро придут люди...

«Нет, — сказал я, — прежде всего я должен выплатить один долг».

Брат с готовностью вытащил кредитную карточку.

«Нет, не то. Закажи машину скорой помощи, мы едем. Недалеко отсюда, пару улиц. В семью моего ученика Моше Леви». — «Я тебя умоляю... Не сейчас. Выжди какое-то время. Ты не знаешь, какой будет реакция. Может быть, он будет кричать, обвинять тебя... Может быть, он тебя проигнорирует... Подожди». — «Если ты не хочешь идти, я пойду один...»

Мы пошли вместе. Брат не мог скрыть своего удивления. Рав Леви встал навстречу нам: «Рав Авигдор, я так Вам благодарен...» — «Благодарны? За что?» — «Вы были верным посланником Всевышнего...» — «Посланником отправить его на тот свет?» — «Моше умер в тот день, когда это было назначено Свыше. Здесь Вы не при чем. Если бы он не поехал на Мерон, он бы умер в другом месте, как все сорок пять погибших... Но, благодаря Вам, он попал в этот святой день в это святое место и удостоился умереть после принятия Бремени Небесного Царства...»

С отцом Моше мы учимся в хевруте каждый день. И я благодарю Всевышнего

за то, что он послал мне этого человека, который нашел нужные слова в нужное время.

Прошло несколько месяцев после трагедии, когда я почувствовал, что больше не могу. Спросил своего раввина, что делать, и он порекомендовал мне съездить в Венесуэлу. Мы не так давно вернулись оттуда, в течение двенадцати лет я возглавлял там хейдер для мальчиков. Раввин посоветовал мне съездить туда, повидать знакомых, пообщаться. Это должно придать мне силы. Я послушался его совета. Сначала я съездил в Панаму на несколько дней, дал там несколько уроков, оттуда собирался лететь в Венесуэлу. Когда я был в аэропорту, мне позвонили из Венесуэлы и сообщили, что умер отец одного из преподавателей в хейдере - Б-гобязненный пожилой человек, он был нездоров, уже давно был в инвалидном кресле, но он был очень хорошим человеком, для любого мог найти доброе слово, и все его очень любили. Конечно, я решил, что, будучи в Венесуэле, зайду утешить его сына. Дни пролетели незаметно, со дня на день я откладывал посещение скорбящего... В день отлета я поехал к нему по дороге в аэропорт, утешая себя тем, что все

так любили покойного, что сейчас дом переполнен людьми, я заскочу ненадолго, на пару минут. Я приехал туда, и выяснилось, что я - первый посетитель. За прошедшие шесть дней траура не пришел никто - люди боятся коронавируса. Мне пришлось задержаться с риском опоздать на самолет. Я спросил: «Но на похоронах-то было много людей?» — «Четверо...»

Я с трудом успел на самолет. Единственной моей мыслью на протяжении полета было: «Владыка мира, спасибо за похороны Йеидидьи. Спасибо за тысячи людей, которые пришли меня утешить. Я увидел, что бывает по-другому...»

В самых сложных ситуациях мы можем пригладеться и увидеть положительные стороны.

Сказано в Гемаре, что страдания хороши для человека, так как искупают грехи. Спрашивается, что Гемара понимает под страданиями? Мы бы сказали, что это может быть, не про нас будь сказано, тяжелая болезнь, потеря близкого человека, потеря крупной суммы... Но мудрецы приводят другой пример. Человек кладет руку в карман, намереваясь достать монету достоинством в шекель, и достает полшекеля -

Гемара называет это страданием.

Представьте себе человека, который готовит себе стакан кофе, открывает шкаф, чтобы достать сахар, и достает по ошибке соль.

«Владыка мира! - восклицает он. - За что мне такие страдания?»

Что мы ему скажем?

«Верни соль на место, достань сахар и скажи спасибо, что у тебя есть и то, и другое!»

Достал не ту монету... Разве это страдание? Мудрецы говорят, что да. Они хотят научить нас, что даже самая минимальная неприятность - послана нам Свыше. Всевышний говорит с нами. Мы предпочитаем «утром возвещать о Твоем милосердии», а не «о вере Твоей - по ночам», но нет ни одного человека, у которого в жизни все складывается так, как он хочет. Если каждое маленькое испытание он воспринимает, как возможность подняться, он понимает, что Творец разговаривает с ним, он уже по-другому смотрит на жизнь.

Да будет угодно Всевышнему, чтобы мы слышали только хорошие новости!

Перевод:
г-жа Хана Берман

Как пережить потерю близкого?

Дни С

Повелевающая заповедь из Торы считать сорок девять дней со дня приношения Омера (мера объема муки, около 2 л.), который приходится на 16 нисана, как сказано (Вайикра, 23:15–16): «И сосчитайте себе от следующего дня после шаббата (покоя в первый день Песаха), со дня принесения вами Омера проведения, семь недель, цельными будут они. До следующего дня после седьмой недели считайте пятьдесят дней, и принесете новое хлебное приношение Б-гу».

Видна связь между двумя заповедями — счетом Омера и приношением Омера. Когда существовал Храм и приносился Омер, тогда счет Омера являлся заповедью Торы. Но, когда Храма нет, что происходит со счетом Омера? В этом вопросе разделились мнения наших учителей. Рамбам («Тмидин у-Мусафин» 7:24) написал, что эта заповедь актуальна в любом месте и в любое время. Слышно из его слов, что даже в то время, когда нет Храма, есть обязанность по Торе считать Омер. Таково же мнения придерживаются Раавья и «Шиболе алект» от имени р. Ишая. Однако, мнение большинства учителей, что счет Омера в наше время является заповедью мудрецов.

В основе заповеди счета Омера мы находим еще один спор между нашими учителями: является ли счет Омера в течение 49 дней одной заповедью (таково мнение «Бааль Алахот Гдолот») или же это 49 отдельных заповедей (так считают Тосафот, Менахот, 66а) и Рош (Песахим, 10:41).

Период счета Омера соединяет между собой два больших праздника — Песах и Шавуот. В Песах наш народ приобрел физическую свободу, покинув место порабощения — Египет, где пребывали 210 лет. В Шавуот наш народ удостоился приобрести духовную свободу, получив Святую Тору на горе Синай.

Что такое духовная свобода? Говорят наши мудрецы (Пиркэ Авот, 6:2): «И сказано: “А скрижали — создание Б-га Всесильного, и письмо на них — письмо Б-га Всесильного, вырезанное (*харут*) в скрижалях”. Читай не *харут*, а *хэрут* (“свобода”). Ибо только тот свободен, кто занят изучением Торы». Только тот, который предан изучению

и соблюдению Торы, свободен от своих вождельных и нехороших побуждений. Он управляет своими желаниями, а не они им — этого мы удостоились на горе Синай.

Так пишет Рамбан в комментарии к Торе (Вайикра, 23:36), что целью счета Омера является соединение между Песахом и Шавуотом, создание подобия продолжающегося праздника на протяжении 49 дней. Песах — это первый праздничный день, Шавуот — последний, а дни счета Омера подобны дням *холь амоэд* (полупраздничные дни), подобно дням между началом Суккота и Шэмини Ацерет. Поэтому мудрецы в Талмуде называют праздник Шавуот словом «Ацерет», чтобы указать на схожесть со Шэмини Ацерет.

Тора указывает в своем тексте даты всех праздников. И только у Шавуота нет даты! Почему? Пишет Хизкуни (Вайикра, 23:21), что, если бы у праздника Шавуот была дата, мы бы опирались на нее, чтобы провести праздник вовремя, но не уделяли бы должного внимания счету Омера. Из этих слов нам понятно, что проведение праздника Шавуот напрямую зависит от счета Омера.

Что скрыто в этом счете? Для этого ответим на другой важный вопрос: почему Б-г не дал Тору еврейскому народу сразу при выходе из Египта? Для чего ждать 49 дней? Написано в святых книгах, что еврейский народ, находясь в Египте, самом грязном и развратном месте мира, опустился в духовном плане на 49 ступень скверны (из 50 возможных!). На таком уровне невозможно принять Тору. Нужно исправить себя и сделать пригодным для ее получения. И так наши предки каждый день поднимались еще на одну ступень, и еще на одну, и на 49 день уже поднялись настолько, что стали достойными дарования Торы. Счет дней Омера указывает нам на ежедневную подготовку к дарованию Торы. Без этого не может быть праздника Шавуот. Интересный намек мы находим в приношениях, которые осуществлялись в эти дни. Приношение Омер производилось из ячменя, который является кормом для скота. В Шавуот мы приносим два хлеба из нового урожая пшеницы — человеческой пищи. Еврейский народ, выйдя из Египта, был схож с уровнем животных.

Омера

Но, подготовившись и приняв Тору в Шавуот, достигли уровня человека. Еврей без Торы не похож на настоящего человека.

«Сефер а-Хинух» (заповедь 306) объясняет, что счет Омера указывает на сильное желание еврейского народа прийти к получению Торы. Весь наш мир создан ради Торы, как сказано (Йирмея, 33:25): «Если бы не мой завет (Тора) днем и ночью, законов неба и земли не установил бы Я».

Но, ведь, если мы ждем какого-то важного события, которое произойдет через, допустим, 20 дней, мы же будем считать эти дни в обратном порядке: осталось 20 дней, 19 дней и т.д. Почему же Омер мы считаем наоборот: сегодня один день, два дня и т.д.? Повторим ту же идею: в дни Омера мы строим себя, свой духовный мир. Тот, кто строит многоэтажный дом, не говорит, что ему осталось еще десять этажей, а потом девять. Он говорит: «Я построил уже один этаж, два этажа и т.д.»

Давайте приведем основные законы и обычаи счета Омера. Законы счета Омера приведены в «Шульхан Арухе» («Орах Хаим», гл. 489).

Как уже было сказано, мы считаем Омер каждый день на протяжении 49 дней, начиная со второго дня Песаха (16 нисана). В этом нет разницы между жителями Израиля и диаспоры. В диаспоре в этот день празднуют второй *йом тов* и проводят повторный седер.

Принято считать Омер по завершению молитвы Маарив, перед чтением «Алену лешаб'ах». Как известно, еврейский календарный день начинается с темноты и появления звезд. Поэтому счет Омера тоже проводят с начала ночи. И, хотя по букве закона можно считать Омер в течение всей ночи, изначально неправильно откладывать это на потом, а следует посчитать как можно быстрее в начале положенного времени.

Сначала произносится благословение: «*Барух Ата... аль сэфират аомер*», а затем без промедления говорится счет данного дня Омера (как приводится в сидуре). Очень важно знать, что счет Омера — это счет, а не молитва, и поэтому человек должен понимать то, что он отсчитал такой-то день Омера. Безусловно, и молитву следует понимать, но по закону во многих частях молитвы, сказав ее на иврите даже

без понимания, молитва засчитывается. Но, если человек посчитал Омер на иврите и не понял какой это день, то заповедь не засчитывается. Поэтому, тот, кто не владеет знанием иврита, должен считать Омер по-русски (или на иврите, если до этого поймет смысл сказанного). Счет Омера вместе с благословением говорится стоя. Если ошибся и прочитал сидя, заповедь засчитывается. Больные и слабые люди могут изначально говорить сидя.

Мы считаем как дни, так и недели. И, начиная с седьмого дня, прибавляем к счету дней также и недели. Если забыл упомянуть недели, следует посчитать еще раз без благословения. Но, если посчитал только недели, не упомянув дни, нужно вернуться и заново посчитать с благословением. Чтобы не приходило к подобным ошибкам, следует перед началом благословения вспомнить (и, если нужно, проверить) какой день и неделю я собираюсь сейчас посчитать.

Неправильно считать Омер раньше времени выхода звезд. Тому, кто посчитал в сумерки (время между заходом солнца и выходом звезд), следует посчитать еще раз после выхода звезд, но без повторного произнесения благословения. Но, если посчитал Омер до захода солнца, то заповедь не засчитывается и нужно все сделать заново после наступления темноты.

Что делать тому, кто забыл посчитать Омер на протяжении всей ночи? Пусть посчитает в дневное время, но без произнесения благословения. А в последующие ночи продолжает считать с благословением. Но тот, кто пропустил полностью хотя бы один день Омера, не посчитав ни ночью и ни днем, со следующего дня и далее продолжает считать без произнесения благословения. В такой ситуации правильно было бы послушать благословение от кантора или другого человека.

Если человек сомневается посчитал ли он Омер в прошлый день, может продолжать счет в остальные дни с благословением.

После счета Омера принято прочитать небольшой текст, в котором мы просим Творца восстановить Храмовую службу в скором времени, в наши дни. Будем надеяться, что сможем увидеть это своими глазами в скором времени, с приходом Машиаха. Амен!

Подготовил: Рав Барух Марлатко

Врата веры

Рав Шимшон Давид Пинкус

Принцип тринадцатый. Оживление мертвых

Провозглашение веры: Я верю полной верой, что будет оживление мертвых, когда будет на то воля Творца, благословлено Имя Его, и да увеличится осознание Его всегда и во веки веков.

По своей природе человек связан с вечной жизнью

«У каждого еврея есть удел в Грядущем Мире» (Санъэдрин 90а). Вера народа Израиля заключается в том, что у каждого еврея есть душа, являющаяся творением Всевышнего, стремящемся прилепиться к Нему. И это суть Грядущего Мира — прилепление к Источнику Жизни, который существует вечно и во веки веков.

Основа нашей веры — это то, что человек по своему предназначению рождается для грядущего мира. Сущность человека — это вечное существование. И после того, как он умрет, он вновь оживет. С другой стороны, вероотступники отрицают оживление мертвых и утверждают, что созданная Всевышним природа человека такова, что в конце концов он перестанет существовать и исчезнет.

Вероотступники не верили, что может быть связь между человеком и Всевышним

Вероотступники отрицают устную Тору и признают только истинность письменной Торы. Поэтому все споры, которые велись между ними и народом Израиля, касались того, что написано в письменной Торе.

Эти споры ведутся уже очень, очень много лет. В Талмуде написано об этом (Санъэдрин 90б): «Вероотступники спросили Рабана Гамлиэля: откуда известно, что Всевышний оживляет мертвых? Он ответил: из Торы, из Пророков и из Писаний. Но те не приняли его ответ. В Торе написано “И сказал Г-сподь Моше: вот, ты почиешь с отцами своими и встанешь” (Дэварим, 31:16). Они же ему

ответили: но, может быть, это [слово относится к следующей части стиха, и его следует читать как]: “и встанет народ сей блудно ходить за богами чужого народа”. В пророках написано: “оживут мертвецы Твои, восстанут умершие! Пробудитесь и ликуйте, покоящиеся во прахе, ибо роса рассветная — роса Твоя, и земля изрыгнет мертвых” (Йешаяу, 26:19). [Но те ответили:] может быть, речь идет о тех мертвецах, которых уже оживил Йехезкель? (см. Йехезкель, 37). В Писаниях написано: “А небо твое — как доброе вино; оно поистине течет к моему другу, делает разговорчивыми уста усопших” (Шир а-Ширим, 7:10). [Но те ответили:] может быть, у них просто шевелятся губы?... Пока не привел им [Рабан Гамлиэль] этот стих: “И дабы долгими были годы ваши на той земле, которую клялся дать Г-сподь отцам вашим, им и потомству их” (Дэварим, 11:9). Написано не “вам”, а “им” — отсюда видно, что оживление мертвых упомянуто в Торе».

Вероотступники не верили в оживление мертвых, и Рабан Гамлиэль привел им стихи из Торы, из Пророков и из Писаний, доказывающие это, но они не приняли его доказательств, так как это не написано в письменной Торе открытым текстом. Они спорили с Рабаном Гамлиэлем по поводу значения каждого стиха, который тот приводил. Но, в конце концов, он привел стих, где об оживлении мертвых говорится открытым текстом, и это они приняли от него.

Те вероотступники были не такие, как вероотступники нашего времени, которые говорят, что дважды два — это тридцать пять. Те вероотступники не отрицали очевидную реальность, которую они сами видели невооруженным глазом. Они признавали, что Тора — это реальность. Они не отрицали, что мы стояли на горе Синай и получили Тору. Ведь там были миллионы людей, которые свидетельствовали об этом. По поводу этих фактов не было никаких разногласий. Только те вещи, которые были скрыты от них, те места, в которых на первый взгляд были противоречия в смысле текста Торы, они были неспособны понять. Они не могли воспринять глубокий смысл Писания и поэтому отрицали его.

Они верили в самое большое чудо Торы, в то, что народ Израиля удостоился получить Тору Всевышнего. Но Всевышний передал Тору народу Израиля, чтобы те изучали и интерпретировали её; и в это вероотступники не верили. Например, Тора постановила давать нарушителю сорок ударов (Дэварим, 25:3), а мудрецы приходят и утверждают, что надо давать лишь тридцать девять ударов — это они никак не могли понять! Все эти еврейские понятия, завет, который Всевышний дал еврейскому народу, всё это не для них. [В трактате Гитин приводится, что завет, который Всевышний заключил с народом Израиля, основан на устной Торе.]

И то же самое здесь. Если написано «на той земле, которую клялся дать Г-сподь отцам вашим, **им** и потомству их» — хорошо. Это они могут принять. Если написано, значит, написано. Если же написано «и встал», а Рабан Гамлиэль интерпретирует этот стих не буквально, утверждая, что речь идет о Грядущем Мире, по их мнению, это невозможно постичь. Между народом Израиля и Всевышним нет никакой связи; везде, где Всевышний обращается к нам: «Голубка моя, любимая моя, чистая моя» (см. Шир а-Ширим 5:2), везде, где есть связь, где есть диалог между Всевышним и народом Израиля, — всё это им совершенно чуждо.

Отрицающий оживление мертвых отрезает себя от вечности

Мудрецы сказали о тех, кто отрицает оживление мертвых (Санъэдрин 90а-б): «У всего народа Израиля есть удел в Грядущем Мире... а у кого нет удела в Грядущем Мире? У того, кто утверждает, что в Торе не написано об оживлении мертвых». В Талмуде сказано об этой *мишнэ*: «За что же ему полагается столь серьёзное [наказание]? *Барайта* говорит об этом: “он отрицает оживление мертвых, поэтому у него не будет доли в оживлении мертвых, ибо Всевышний всем воздаёт по принципу мера за меру”».

У того, кто отрицает оживление мертвых, нет доли в оживлении мертвых. У того, кто не верит, что вся Тора — от Всевышнего, нет никакого

отношения к Торе, ибо вера — это прилепление. У человека не может быть никакой связи с вещью, в которую он не верит.

Как может быть такое, что человек отрицает оживление мертвых? Это означает не что иное, как отсутствие веры во Всевышнего. А если он не верит во Всевышнего, у него нет со Всевышним никакой связи, он никак не привязан к Нему. Он отрывается от своего естественного корня и таким образом отрывается от вечной жизни.

Два оживления мертвых

Обычно, когда речь идет об оживлении мертвых, подразумевается оживление, которое будет в будущем, после прихода *Машиаха*, перед наступлением Грядущего Мира. Общепринятое сегодня мнение (мнение Рамбана и других каббалистов) таково: сначала придет *Машиах*, потом он построит Храм, потом он возвратит весь народ Израиля к Всевышнему. Все это будет происходить по обычным законам природы. Люди будут долго жить, но всё это произойдет в этом мире (без открытых чудес и изменения законов, по которым действует материальный мир).

Когда мир закончится, «в будущем Всевышний возобновит Свой мир» (Санъэдрин 92б). Это «Грядущий Мир», о котором мудрецы сказали: «в Грядущем Мире нет

ни еды, ни питья, ни размножения, ни коммерции, ни зависти, ни ненависти, ни соперничества, а только праведники сидят с коронами на головах и наслаждаются сиянием Б-жественного присутствия» (Брахот, 17а). Грядущий Мир будет миром духовным, нет в нем «ни еды, ни питья». А оживление мертвых будет до наступления Грядущего Мира.

И действительно, Ритво (раби Йонатан бен Авраам из Севильи, 5010–5080/1250–1320) пишет так (комментарий к трактату Таанит, 30б): «О каждом, кто ест мясо и пьет вино Девятого ава, сказано: “и будет их нечестивость на костях их” (Иезекиель, 32:27). Это означает, что их кости не оживут при оживлении мертвых, которое будет при построении Храма для тех, кто умер в изгнании, ожидая избавления;

Когда будет оживление мертвых?

о тех сказано “хороша доля того, кто дожидается и достигнет тех дней” (Даниэль, 12:12). И тем не менее, возможно у них ещё будет оживление в день Великого Суда, который наступит после эпохи *Машиаха*».

То есть, кроме великого оживления мертвых, при котором все возродятся, «одни — для вечной жизни, а другие — на поругание и вечный позор» (Даниэль, 12:2), будет также «малое» оживление мертвых при приходе *Машиаха*. При этом оживлении возродятся те, кто всю жизнь ждал и надеялся на его приход.

Думаю, что можно привести доказательство его словам из того, что сказали мудрецы (Санъэдрин, 90б): «Как из того, что написано в Торе, можно вывести принцип оживления мертвых? Ведь сказано: “и будете давать из них воздаяние Г-сподне Аарону-священнику”. Но как же ему [Аарону] дают воздаяние-*тэрумá*, ведь он не вошел в Землю Израиля! [А воздаяние это отделяют только в Земле Израиля.] Это означает, что в будущем он будет жить, и народ Израиля будет давать ему *тэрумá*. Таким образом, оживление мертвых выводится из Торы».

Тут написано, что Аарон возродится и будет есть то, что произрастает в Земле Израиля. Не очень-то логично предположить, что речь идет о Грядущем Мире, о котором сказано: «нет там ни еды, ни питья ... а только праведники сидят с коронами на головах и наслаждаются сиянием Б-жественного присутствия». Более логично было бы объяснить, что речь идет об эпохе *Машиаха*, когда мир будет существовать как обычно, и воскресшие будут в этом мире.

Кроме того, сказали мудрецы (Санъэдрин, 90б): «Раби Симай говорит: как из того, что написано в Торе, можно вывести принцип оживления мертвых? Ведь сказано: “и выполню завет Свой с ними дать им землю Ханаанскую”. Сказано не “вам”, а “им”. Таким образом из Торы выводится принцип оживления мертвых». Логично было бы сказать, что и здесь идет речь об эпохе прихода *Машиаха*, а не об оживлении мертвых в Грядущем Мире. Простой смысл того, что здесь написано, — это

то, что Всевышний даст им Ханаанскую Землю. Не часть этой земли, а всю землю. (Что достанется нам — эту уже другой вопрос, который я здесь обсуждать не буду.)

На первый взгляд, из всего этого можно заключить, что, кроме самого принципа оживления мертвых, здесь подчеркивается важность Земли Израиля, того, что она должна принадлежать нашим праотцам. Она не будет «Землей Израиля», принадлежащей потомкам, а «Землей Праотцов». Это совершенно другой уровень святости.

Разницу между праотцами и их потомками можно объяснить с помощью аллегории. Человек стоит перед зеркалом. В этой ситуации перед нами два изображения: сам человек и его отражение в зеркале. Есть праотцы, и есть их потомки! Всё, что у нас сегодня есть — это благодаря праотцам. Благодаря нам самим у нас нет ничего. Всё, что у нас есть, — это отражение качеств праотцов. Получается, что праотцы — это как первоисточник, а мы — лишь тень от них.

Видимо, та же самая разница будет и в земле Израиля. До возрождения мертвых она была землей сынов; после оживления — она станет «Землей Праотцов».

Был один еврей, который молился с великим воодушевлением Его попросили объяснить, как ему удастся достичь такого настроя

в молитве. Он сказал, что однажды был в каком-то зале, и там он в зеркале увидел отражение раби Йисроэля Салантера, когда тот стоял и молился, и это очень сильно повлияло на него.

Это то, что будет у евреев во время оживления мертвых. Когда Земля будет принадлежать нашим праотцам, и когда они воскреснут и станут примером для всего народа Израиля в служении Всевышнему — каких невообразимых высот, какого духовного подъема достигнет тогда народ Израиля!

Но всё это относится только к оживлению мертвых, которое будет при приходе *Машиаха*, да произойдет это вскоре и в наши дни. А в грядущем мире «глаз не видел, Б-г, кроме Тебя, сделавшего такое для ожидающего Его».

Перевод: рав Берл Набутовский

Кто воскреснет в будущем?

Детские коляски в Шаббат и праздники

В данной статье постараемся разобрать некоторые правила, касательно использования детских колясок в Шаббат и йом-тов. В еврейских семьях, Барух а-Шем, всегда много детей и эти вопросы являются актуальными почти для каждого еврея и в каждый Шаббат и праздник.

А, если читатель спросит: «О чем можно говорить? Ведь, в Шаббат и так нельзя везти ребенка в коляске по общественной территории (по улице)». Это верно, и так написано в книге «Шэмират Шаббат кэйльхата» (гл. 18, п. 55). Тем не менее, коляски можно перевозить в Шаббат в месте, где есть хороший «эрув». А также в праздник нет проблем в перевозке колясок (см. «Шулхан Арух», «Орах Хаим», гл. 518, п. 1).

Но то, о чем мы собираемся говорить, актуально даже внутри квартир и частных дворов. Многие используют коляску в качестве кровати для малыша и т.п.

Одна из 39 запрещенных работ в Шаббат (а также в йом-тов) — это строительство зданий и сооружений. Производным из запрета строительства является возведение шатров, которые предназначены для укрытия от солнца, дождя и ветра, защиты от насекомых или, просто, для сокрытия в них. Тот, кто строит шатер на продолжительное время, нарушает запрет Торы (трактат Шаббат, 138а). Мудрецы же в качестве ограды закона запретили возводить даже временный шатер, т.е., на короткое время, чтобы это не привело человека к ошибке, если он решит, что и возведение шатра на продолжительное время разрешено. И также разрушение построенного шатра запрещено в Шаббат (Рамбам, законы Шаббата, гл. 10 п. 13. «Мишна Брура» гл. 315, п. 1).

Основным в запрете построения шатра является возведение его крыши (покрытия). И даже, когда нет стен у шатра, как, например, расстилающий полотно на четырех шестах, нарушает запрет возведения шатра (Раши в трактате Шаббат, 125б, «Мишна Брура», гл. 315, п. 1).

На основании сказанного поднимается ряд вопросов относительно детских колясок: можно ли в Шаббат открывать крышу коляски (а также

складывать его), надевать дождевик или москитную сетку? Вроде бы, эти действия должны быть проблематичны, ведь человек возводит тем самым покрытие шатра.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо разобрать несколько деталей в этих законах. В трактате Шаббат (138а) говорит Абаей, что стул «траскаль» можно ставить в Шаббат. Комментирует Раши, что речь идет о складном стуле на ножках с кожаным верхом. Когда складывают его, убирают и приставляют к стене, а, когда хотят сесть на него, расправляют. Почему такое действие разрешено? Поясняет Раши, что этот стул уже готов и собран до Шаббата, т.е., человек не делает ничего нового в Шаббат. Однако, непонятно, о каком запрете могла идти речь. В книге «Нода бе-Йеуда» (том 2, «Орах Хаим», гл. 30) пишет, что речь идет о запрете строительства предметов (*биньян келим*) в Шаббат, как написано в «Шулхан Арух» («Орах Хаим», гл. 314). И для этого приходит Абаей сообщить нам, что раскладывание стула не называется созданием предмета, ведь он полностью был готов еще до Шаббата. А все, что человек делает, это только разведение ножек в стороны. А почему нет проблем с возведением шатра? Ведь, под расстелившимся сидением стула образовалось пространство шатра. На это отвечает «Нода бе-Йеуда», что запрет возведения шатра относится только к ситуациям, когда человек заинтересован использовать пространство под крышей шатра. Но в случае со стулом, намерение человека просто сидеть на нем, и, соответственно, нет запрета.

Из сказанного напрашивается следующий вывод: даже если шатер построен еще до Шаббата, но находится в собранном виде, нет разрешения расставлять его в Шаббат, если намерение человека использовать пространство, которое под ним. Значит, по мнению «Нода бе-Йеуда», нельзя раскрывать крышу детской коляски, который был полностью сложен до Шаббата, ведь, он предназначен для защиты ребенка, и тем более прикреплять дождевик или противомоскитную сетку, которые только в Шаббат делают его шатром.

Однако, многие законоучителя поняли закон стула «траскаль» иначе. Гмара обсуждает вопрос построения шатра, а не создание нового предмета. Именно то, что он полностью собран до Шаббата, позволяет использовать его, и нет в этом нарушения с созданием шатра. Более того, написал «Хазон Иш» («Орах Хаим», гл. 52, п. 6), оспаривая мнение «Нода бе-Йеуда», что, поскольку мы имеем дело с одним цельным предметом и таково его использование, нет в этом никакого запрета возведения шатра, и даже если намерение человека использовать его для укрытия и т.п. Возведение шатра запрещено только при соединении нескольких элементов в одно строение, это основное определение работы строить, а не в использовании уже готового строения. И поэтому, пишет «Хазон Иш», что разрешено открывать крышу коляски и собирать ее, поскольку это цельный предмет, готовый к использованию еще до Шаббата.

Но «Хазон Иш» не объясняет можно ли накинуть дополнительное покрытие на коляску, например, простынь. Этот вопрос затрагивает еще один закон в возведении шатров. «Шулхан Арух» («Орах Хаим», гл. 315, п. 2) установил, что, если человек сделал крышу временного шатра хотя бы на ширину в один *тэфех* (около 8–10 см.) до Шаббата, то может в Шаббат расширить ее без ограничений.

Рав Шмуэль Вознер в книге «Шевет а-Леви» (т. 3, гл. 54) пишет: несмотря на то, что нет запрета в Шаббат раскрывать крышу коляски, по мнению

«Хазон Иш», тем не менее, если крыша была закрыта перед наступлением Шаббата, уже не поможет раскрыть его в Шаббат, чтобы набросить на него дождевик. Это основано на еще одном постановлении «Хазон Иш» (там же, п. 8), что разрешение прибавлять к покрытию шатра касается только ситуации, когда начал открывать до Шаббата. Но, если построил шатер в Шаббат разрешенным образом, как в нашем случае, нет разрешения прибавлять к нему. Видно, что рав Вознер понимал, что, по мнению «Хазон Иш», несмотря на то что можно открывать крышу коляски в Шаббат, так как это не считается строительством, однако, пока она не открыта, перед нами нет шатра.

Но рав Шеломо Залман Ойербах, слова которого приведены в «Шмират Шаббат ке-Ильхата» (гл. 24, п. 13, прим. 48), разрешал одевать дождевик и т.п. на коляску в сам Шаббат, даже если ее крыша не была открыт перед Шаббатом. Он понимал, что по мнению «Хазон Иш» собранный шатер считается шатром, и можно относится к нему так, «как будто» он уже раскрыт. И обычай полагаться на это мнение.

В итоге: по букве закона разрешено в Шаббат раскрывать и собирать крышу детской коляски, а также прикреплять к ней дождевик или противомоскитную сетку. При этом, тот, кто раскроет крышу перед Шаббатом на ширину хотя бы 8 см., достоин похвалы.

Подготовил: рав Барух Марлатко

Цадик из Манхэттена

Рухома Шайн

Предисловие редакции. Предлагаем вниманию наших читателей удивительную книгу Рухомы Шайн об её отце, раве Якове Йосефе Германе. В прошлом на русском языке было опубликовано несколько отрывков из первого издания этой книги под названием «Всё для Босса». В данном переводе мы постараемся, с Б-жьей помощью, представить нашему читателю полный и точный перевод второго, дополненного издания этой столь любимой читателями книги, стараясь сохранить живой и веселый стиль автора.

Глава 2. Воспоминания

1. Папа нередко завораживал нас историями о своём детстве и о своей семье. Ему было восемь лет, когда он со своими родителями и с сестрой Молли переехал из Слуцка в США. Был 1888 год.

Дедушка Ицхок женился на бабушке Мине Ривке, когда ему было восемнадцать лет, а ей на пару лет больше. Он был *бахур ешива* (учащийся ешивы). После свадьбы они жили вместе с бабушкиными родителями в селе недалеко от Слуцка.

Дедушке Герману никак не удавалось заработать достаточно, чтобы накормить свою растущую семью, поэтому он, как и многие другие, решил, что Америка — это прекрасная возможность устроиться.

Приехав в Америку, *зейди* (идиш — дедушка) искал работу в качестве частного преподавателя Торы, но очень скоро понял, что на эту работу нет никакого спроса. Папа оставался его единственным учеником.

Дедушке пытался найти какую-нибудь черную работу или устроиться рабочим на фабрику, но, отказавшись работать в субботу, в понедельник он вновь и вновь оказывался за дверью. Тот факт, что он также не мог работать в *холь а-мозд* (полупраздничные дни) в Песах и в Суккот, означал, что ему было ещё сложнее удержаться на работе.

Другие евреи насмеялись над ним из-за того, что он не хотел брить бороду и вообще ни на йоту

не снижал свои стандарты соблюдения Торы. «В Америке, — говорили ему знакомые, — ты не можешь оставаться таким, как им ты был “там”. Так ты никогда не сможешь прокормить свою семью».

После пяти лет непрерывных усилий, он пришел к выводу, что его друзья абсолютно правы. Поэтому, чтобы не снижать свои духовные стандарты, он решил вернуться в свой родной город в России.

Дедушке с большим трудом удалось наскрести денег на два с половиной билета — для себя, для бабушки и для Молли, которая ещё могла ехать по детскому билету. Папе же, который к тому времени уже отметил бар-мицву, нужен был взрослый билет. У бабушки и бабушки не было никакого выбора. Им пришлось оставить папу у дальних родственников до того момента, когда им удастся найти способ вернуть его домой.

2. Родственники согласились дать папе жильё и пропитание за плату — один доллар в неделю. Папа работал мальчиком на побегушках в магазине мехов. Это был один из очень немногих магазинов, соблюдавших Шаббат.

Когда, попрощавшись с родителями и сестрой, папа вернулся из порта домой, он почувствовал себя одиноким и заброшенным. Он рассказывал нам, как он засунул руку в карман, и нащупал там свою драгоценную коллекцию стеклянных шариков. Но вдруг, расправив свои щуплые плечики, он вытащил шарики из мешочка и бросил их на мостовую. Так он лишился последнего остатка своего детства. Глядя на то, как разноцветные шарики катятся по пыльной мостовой, он сказал себе: «На этом игры заканчиваются. Теперь я должен быть мужчиной».

Хоть он и старался изо всех сил быть настоящим мужчиной, это была нелегкая задача для тринадцатилетнего мальчика. Приступы одиночества одолевали его, и его подушка была нередко насквозь пропитана слезами. Ему пришлось повзрослеть в одночасье.

Однако, он совершенно не обижался на своих родителей за то, что те его оставили. Наоборот, папа решил работать изо всех сил, чтобы

скопить деньги и привезти родителей и сестру Молли обратно в Америку, и также помогать им, когда они приедут.

3. Через несколько недель после того, как папа переехал к своим родственникам, они повысили ему арендную плату. «Если ты хочешь жить у нас, ты должен платить 1,25 долларов в неделю».

Папа чувствовал, что его бессовестно предали. Стараясь подавить рыдания, он убежал из их дома. Был канун субботы. Скоро будет закат — вот-вот наступит Шаббат.

Папа твердо решил не возвращаться в дом своих родственников, даже если ему придется провести Шаббат на улице. Он побежал в пекарню и купил три маленькие халы.

Солнце зашло. Пришел Шаббат, и обнаружил одинокого, брошенного паренька, который сидел на жесткой скамейке в опустевшем Хестер Парке. Во всем бескрайнем городе Нью-Йорке этому смущенному, несчастному подростку было абсолютно некуда деваться.

Папа сделал *Киддуш* на две халы, и жадно проглотил одну из них. Всю длинную и холодную ночь он, съезжившись в полудреме, сидел на деревянной скамейке.

Когда, наконец, появились признаки зари, папа дал себе слово: когда он женится и у него будет своя семья и свой дом, он никогда не сядет за субботний или праздничный стол, если вокруг него не будет множества гостей. Он будет обходить парки в поисках одиноких, неприкаянных людей, которых нужно накормить.

Когда суббота закончилась, папа забрал свои вещи из дома родственников и нашел себе другое жильё.

4. Большую часть недели папа питался тем, что он мог позволить себе купить в кошерном гастрономе. Однако он был физически очень сильным человеком, и годы лишений его совершенно не ослабили. Даже в самые морозные зимние дни он никогда не носил пальто. (После того, как папа с мамой поженились, мама пожаловалась ему: «Янкев Йосеф, люди будут думать, что ты не можешь позволить себе зимнее пальто». Для того, чтобы успокоить маму, папа купил очень дорогое пальто, но почти никогда его не надевал.)

Хотя его некому было обучать и воспитывать, папа досконально соблюдал все заповеди, которыми дедушка научил его. В тех редких случаях, когда у него появлялась возможность поиграть с друзьями в футбол, он прямо посреди игры бросал мяч и убегал в синагогу, как только подходило время дневной или вечерней молитвы.

Папа постепенно продвигался по службе в том самом магазине мехов, в котором он начал свою карьеру мальчиком на побегушках. Он стал подмастерьем, а потом и опытным специалистом по работе с мехами. Его зарплата всё время повышалась; он очень аккуратно собирал деньги, и его сбережения непрерывно росли.

Через четыре года после слезного прощания с родителями и сестрой, папа послал им достаточно денег, чтобы купить всем билеты. К этому времени им нужен был ещё один билет для маленького братика Хацкеля, с которым папа пока не был знаком. (Их самая младшая сестра Сара родилась уже в США.) Наконец наступил тот радостный день, когда семья Германов воссоединилась. Папиной зарплаты хватало на содержание всей семьи, и теперь у дедушки появилась возможность осуществить свою мечту: он работал *меламедом*, и не должен был постоянно бороться за кусок хлеба.

5. Дедушка и бабушка Герман

Дедушка и бабушка Герман всегда были преданы внукам и относились к нам с любовью и лаской. Мы их обожали. Всегда, когда бабушка Герман навещала нас, с ней приезжали плитки шоколада и другие лакомства. Летом мы, дети, по очереди проводили неделю в доме дедушки и бабушки. Это было кульминацией наших каникул. Мы наслаждались вниманием, которое бабушка нам столь щедро уделяла.

Они жили в Гарлеме рядом с Центральным Парком. Бабушка устраивала нам пикники в парке. Мы посещали знаменитый зоопарк, который зачаровывал нас. Когда бабушка возвращала нас домой после проведенной с ней недели, мы были вымыты, расчесаны, у нас в волосах обязательно был бантик. Наши ярко-розовые щечки сияли.

6. Самой большой отрадой бабушки был папа, её старший сын. Он же, в свою очередь, относился к ней с огромной любовью и уважением. Однажды поздним вечером мы всей семьёй возвращались с какой-то свадьбы. Когда мы подошли к крутой лестнице, ведущей со станции метро вверх на улицу, бабушка вздохнула и тихо сказала: «Я так устала...».

Вдруг папа схватил её в объятия и побежал вверх по лестнице. Бабушкины маленькие ножки беспомощно бились в воздухе в знак протеста. «Янкев Йосеф, сейчас же поставь меня на место!». Но было уже поздно. Папа уже добежал до верха лестницы и осторожно поставил бабушку на землю.

7. В 1926 году дедушка Герман решил переехать в Землю Израиля. Он был твердо уверен, что хочет жить только там; он хотел вначале устроиться сам, а потом забрать к себе бабушку. Он поплыл туда на грузовом корабле, у которого такое плавание занимало больше месяца. Читая его письмо обо всех ужасах этого путешествия, мы не знали, плакать нам или смеяться.

Папа устроил дедушку в «Аншей Меймад» в Иерусалиме. Это была организация, которая позволяла пожилым евреям жить, получать питание и заниматься Торой. Так дедушка снова стал *бахур ешива* (учеником ешивы).

Ему очень нравилась жизнь в Израиле, и он познакомился со многими раввинами, живущими в Меа Шеарим. Дедушка стал очень дружен с гениальным знатоком Торы по имени раби Йосеф Шалом Эльяшив (который потом стал широко известным судьёй и лидером поколения). Дедушка предложил ему отличную пару: дочь рава Арье Левина, который в те времена уже был широко известен своей праведностью и добрыми делами. У дедушки с ним были очень хорошие отношения, и *шидוך* (сватовство) состоялось. К великому удовлетворению дедушки, молодая пара поженилась.

После того, как дедушка уехал в Землю Израиля, бабушка переехала к нам. Мы были в восторге. Когда мы возвращались из школы, она зачаровывала

нас рассказами о своём детстве. Мы сидели как замороженные, слушая истории, которые оживали у неё на устах.

Бабушка всегда помогала маме со всей домашней работой. У них были очень хорошие отношения, и бабушка всегда старалась облегчить маме жизнь. «Эйdl, ты слишком много работаешь. Скажи Янкеву Йосефу, чтобы он нанял тебе помощь». Или в другой раз: «Почему бы тебе не купить себе новую одежду?»

Постоянная шутка у нас дома заключалась в том, что папа называл бабушку *швигер* (тёща), когда она защищала маму. Однако он относился к матери с огромным уважением. Когда она заходила в комнату, он всегда вставал, и стоял, пока та не садилась.

Прожив в Иерусалиме чуть больше года, дедушка попросил, чтобы бабушка переехала к нему. Однако к этому времени у бабушки пропала всякая охота расставаться со своими детьми и внуками, и поэтому, через несколько месяцев дедушка вернулся в США. Мы были очень рады, что дедушка возвратился, но нам было грустно, что бабушка уехала от нас.

Дедушка и бабушка взяли работу по управлению организацией *ахнасат орхйм*: бесплатный хостел, который содержала еврейская община города Джерси-Сити. Бабушка с радостью готовила

«Еврейский район» Лоуэр Ист Сайд в Нью-Йорке в начале XX века

еду, пекла халы на шаббат и следила за чистотой. Дедушка отвечал за все религиозные аспекты организации.

Однажды, накануне субботы, за несколько минут до зажигания свечей, когда бабушка заканчивала мытье пола в кухне, у неё случился смертельный инфаркт. У дедушки не оставалось времени сообщить об этом папе.

После окончания субботы дедушка позвонил, чтобы рассказать папе о смерти бабушки. Это было в *рош хódэш* Менахем Ав. В тот момент папа не заплакал, но мы с мамой зарыдали. (К тому времени я осталась единственной из детей, кто жил дома. Все остальные уже были замужем и женаты.) Мы были безутешны.

Бабушки Герман не стало! Её светлая душа, её мудрость, её бесценные советы наполняли нашу жизнь светом. Она была нежной, но твердой. Она всегда помогала нам, но при этом учила нас самостоятельности. Но самое главное — она была моей любящей бабушкой!

У папы была масса дел. Нужно было организовать всё, что было связано с похоронами и погребением. Папа был воплощением силы.

В первый день *шивá*, сразу после утренней молитвы, папа остался один в гостиной. Он закрыл дверь. Вдруг мы с мамой услышали, что из закрытой комнаты раздаются душераздирающие рыдания. Это был папа.

Папа, этот мужественный, неустрашимый солдат, плакал. Сын горевал по своей матери.

Первый раз в жизни я услышала, как папа плачет.

8. Через некоторое время дедушка Герман женился во второй раз. Мы привязались к его жене, *танте* (тёте) Ривке. Она тоже была нам предана.

Дедушка Герман ушел через десять лет, на исходе праздника Песах. Мы, папины дети, устроили всё, что связано с похоронами и погребением, поскольку к тому времени папа и мама уже переехали в Землю Израиля.

Дедушка Герман оставил нам богатое наследие добрых дел. Я помню его, как доброго и деликатного человека, у которого для каждого было припасено что-нибудь веселое.

Глава 3. Комбинации

9. К тому времени, когда папе исполнился двадцать один год, он был красивым, стильным, богатым молодым человеком, хозяином процветающего мехового бизнеса. Ему пора было жениться. Сваты, которые только и ждали сигнала, стаей слетелись к нему.

Каждому свату папа объяснял, что его интересуется только по-настоящему ортодоксальная девушка из культурной и образованной в Торе семьи. Конечно же, у каждого свата была «та самая» девушка, отвечающая всем требованиям и, к тому же, очень богатая и обладающая многими другими положительными качествами, которые папа, конечно же, обнаружит, встретившись со своей предполагаемой невестой. Это то, что ему обещали.

Папа очень быстро обнаружил, что касательно материального положения кандидаток, сваты не преувеличивали. Все они были из богатых домов — никто не осмелился бы познакомить папу с девушкой, которой не могли бы дать приданое, подобающее такому красивому и богатому молодому человеку. Однако, что касается «по-настоящему религиозной девушки из хорошего ортодоксального дома», тут сваты явно сильно приукрашивали.

Для того, чтобы узнать, действительно ли девушка строго соблюдает Шаббат, папа назначал встречи в пятницу вечером, хотя из-за этого ему приходилось иногда покрывать огромные расстояния пешком. (В начале XX века не существовало формального еврейского образования для девочек. Поведение девушки было следствием её домашнего воспитания.) Не раз и не два папа приходил на такую вечернюю встречу, и из этого не выходило ничего, кроме разочарования.

Однажды папа заметил, что девушка взяла со стола чайник и поставила его обратно на плиту. Увидев это, он встал и сказал: «Похоже, что сват дал мне неправильный адрес». И с этим словами он гордо ушел.

В другой раз, когда папа не мог встретиться с девушкой в пятницу вечером, поскольку она жила слишком далеко для похода пешком, он пришел в будний день. Пока они разговаривали, раздался стук в дверь. В двери стоял бедняк, которому девушка передала большую сумму. Несмотря на то, что эта девушка щедро давала деньги на благотворительность, папа заметил, что её родители были не очень-то довольны таким расточительством. Он так и не вернулся в этот дом. Он бы ни за что не стал членом семьи, которая не раздавала благотворительность щедрой рукой.

Один из сватов, зная, что если он найдет папе подходящую пару, то получит от него очень значительный гонорар, не отчаивался, несмотря ни на что. В один прекрасный день он подошел к папе и сказал робко: «У меня есть для вас идеальная девушка. Она отвечает всем вашим

требованиям — но я должен признаться вам, что у неё нет и копейки за душой. За неё вообще не дадут никакого приданого».

Папа был поражен. Девушка без приданого?! Ни один приличный молодой человек не стал бы даже думать о таком варианте. Однако, смелость свата заинтриговала папу. «Кто это такая?»

«Её зовут Эйдл Андрон. Её отец, раби Шмуэль Ицхок Андрон, — очень знающий человек, настоящий *талмид хахам* (мудрец Торы)», — бодро закончил сват.

Папа пришел к ним в дом в пятницу вечером. Субботние свечи ярко горели на столе, который был накрыт безупречной снежно белой скатертью. Раби Шмуэль Ицхок, представительный мужчина с седеющей бородой и его жена Фрума Рохл, которая носила парик, сидели во главе стола. Их пять сыновей сидели рядом, слушая *дэвар Торá* своего отца. Эйдл угощала всех чаем, пирогом и фруктами. Теплая субботняя атмосфера пронизывала весь дом.

Раби Андрон был единственным отцом, который не стал расспрашивать свата о папином финансовом положении. Его интересовали исключительно папины способности в области изучения Торы. Папу сразу же пленила семья Андронов и их привлекательная, прелестная дочь Эйдл.

Папа сказал бабушке и дедушке, что наконец нашел ту самую девушку, которую он искал. Он добавил: «У неё нет приданого, но это совершенно неважно. Мне не нужны её деньги».

«Что?!», — воскликнула бабушка. «Ты женишься на беднячке, когда у тебя столько предложений от хороших, богатых девушек? Я ни за что не разрешаю тебе продолжать встречаться с этой девушкой!» Бабушка была непоколебима.

Папа перепробовал все возможные аргументы, чтобы уговорить её. Когда он увидел, что ничего не получается, он вынужден был сказать свату, что не сможет жениться на Эйдл Андрон. Он не женится против воли своей матери.

Прошло несколько месяцев. Папа встречался с другими девушками, но ни один вариант не мог сравниться ни с Эйдл, ни с её семьёй. Папа был удручен, но не показывал свои чувства родителям.

В одно прекрасное утро, по дороге куда-то, он встретил на улице Янкева Лейба Андрона, самого старшего брата Эйдл. Янкев Лейб тепло приветствовал папу и задал ему прямой вопрос: «Скажи мне, почему ты перестал встречаться с моей сестрой? Мы все были уверены, что ты в ней заинтересован».

Папа поведал ему о своих несчастьях. «Я очень хочу жениться на твоей сестре; но моя мать категорически запрещает мне вступать в этот брак. Всё из-за того, что нет подходящего приданого».

Янкев Лейб задумался на мгновение и вдруг сказал: «У тебя есть две тысячи долларов на счету в банке?»

«Даже больше», — быстро ответил папа.

«Я нашел отличный способ решить эту проблему так, что все останутся довольны. Подари мне две тысячи долларов. В день обручения, я верну их тебе в качестве приданого, которое дадут за Эйдл» (две тысячи долларов, огромная сумма по тем временам, считалась очень богатым приданым).

Папа был в восторге. Он пошел в банк вместе с Янкевом Лейбом, снял деньги со счета и передал ему.

10. В честь обручения устроили очень радостный прием. Дядя Янкев Лейб произнес короткую речь и торжественно вручил папе «приданое».

Дедушка и бабушка были очень рады, что папа женится на такой хорошей девушке из очень уважаемой семьи. Бабушка была особенно довольна богатым приданым, которое, с её точки зрения, её сын по праву заслуживал. Дедушка и бабушка Андрон были довольны, что их дочь, Эйдл, выходит замуж за такого замечательного еврейского молодого человека, который, к тому же, согласился жениться на ней без копейки денег. Но самыми счастливыми были сияющая молодая пара, папа и мама, которые наконец нашли друг друга.

3. Только после обручения папа узнал, насколько выдающейся и прославленной была семья моей мамы. Дедушка Шмуэль Ицхок эмигрировал из Латвии из города Двинска (Даугавпилса) в 1892 году со своим старшим сыном, дядей Янкевом Лейбом. Бабушка Фрума Рохл, мои остальные дядья — Йехиэль Михель, Исроэль Иссер, Файтел, Файвиш и мама, которая была третьим ребенком в семье и на тот момент единственной дочкой, приехали через год. (Тётя Фени, самая младшая, родилась уже в США.)

В Двинске дедушка Андрон был знаменит своими обширными познаниями. Ещё не достигнув возраста двадцати лет, он получил звание раввина (*сэмиха*) от великого раби Меира Симхи а-Коэна (известного как «Ор Самеах», в честь известной книги, которую он написал), который был раввином литовской еврейской общины Двинска в то время. Дедушка был известен как великий знаток Талмуда, и к тому же свободно говорил на восьми языках. У него была важная должность в общине, и семья Андронов жила безбедно.

Мои дядья подрастали, и моего деда начал преследовать постоянный ужас, что их заберут в армию. Это означало не просто прекращение изучения Торы. Это ставило под вопрос всё их будущее как верующих евреев. Единственный способ избежать этого — это переехать в «золотую землю» — в свободную Америку.

К своему большому разочарованию дедушка обнаружил, что в Америке не было ни одной ешивы, где мои дядья смогли бы продолжить изучение Торы. Он пожертвовал всем, чтобы спасти своих сыновей от одной опасности, и выяснилось, что в Америке их ожидает другая, не меньшая опасность. Из-за этого он тратил много времени на то, чтобы самостоятельно обучать своих сыновей.

Ещё одна тяжелая задача — это найти хорошую, соответствующую его положению должность, которая позволила бы ему прокормить свою большую семью. Дедушка нашел работу преподавателя еврейских предметов в *талмуд торе* на два часа в день. Но вскоре, когда он увидел, что это совершенно не соответствует его высоким стандартам преподавания Торы, он решил уйти с этой должности. Единственная альтернатива, которая позволила бы ему соблюдать Шаббат и праздники — это работать самостоятельно. Поэтому крупному раввину пришлось стать страховым агентом.

4. Однажды вечером Слуцкер Ребе, известный как Ридбаз (сокращение его имени рав Яков Давид бен Зеев), который недавно приехал в Нью-Йорк из России, дал волнующую речь в «Пайк Стрит Шул» в юго-восточной части Манхэттена. Его выступление привлекло очень большую аудиторию, так как он считался одним из величайших раввинов своего времени. Дедушка Андрон был в числе слушателей. Он жадно внимал каждому слову.

Ридбаз привел стих из книги Мишлэ (6:3): «Заповедь — как свеча, а Тора — как факел». И то, и другое может осветить темную комнату. Но если подует ветер, он задует свечу. Факел же разгорится ещё ярче и разгонит ещё больше тьмы. Ридбаз предупредил: «Если в Америке не будет ешив для распространения Торы, ураганные ветры атеизма переборют иудаизм, и он полностью исчезнет».

На дедушку Андрона эта речь произвела очень сильное впечатление. Он пришел домой и рассказал бабушке, насколько он обеспокоен. Пока дедушка пребывал в нерешительности. Но через несколько дней, когда одним прекрасным вечером в конце декабря, дядя Файвиш, молодой

мальчик, пришел домой из школы и попросил у папы денег на рождественскую вечеринку, у дедушки возникло твердое решение действовать.

Он сразу же забрал дядю Файвиша из общеобразовательной школы, и уговорил некоторых своих клиентов поступить точно так же со своими сыновьями. Набрав десять мальчиков, дедушка нанял учителя религиозных предметов, который должен был обучать мальчиков Торе с девяти утра до двух часов дня. Он взял ещё одного учителя, работника общеобразовательной школы, который преподавал светские предметы с четырех до шести. Дедушка оплачивал работу учителей из своего кармана.

5. Дедушка снял комнату в ортодоксальной синагоге на улице Хестер и назвал новую ешиву в честь покойного главного раввина города Нью-Йорк, бывшего его близким другом, раби Якова Йосефа.

Каждый Шаббат ученики приходили в дом к дедушке, и он их экзаменовал. Он также лично беседовал с каждым потенциальным учителем еврейских и светских предметов, чтобы проверить, смогут ли они передать ученикам истинные еврейские ценности. Всё это означало, что дедушка не мог уделять слишком много внимания продаже страховок. Вместо того, чтобы охотиться за новыми клиентами, дедушка и бабушка искали спонсоров для ешивы, а также новых учащихся.

Чем хуже шел страховой бизнес, тем тяжелее им становилось свести концы с концами. Неудивительно, что у мамы не было приданого! В то время, заинтересовать людей ешивой было непростой задачей. В начале двадцатого века в Америке не существовало понятия полноценной еврейской школы.

И, тем не менее, дедушка и бабушка Андрон добились своего. Ешива росла медленно, но верно. Постепенно, «мать ешивот», как её стали называть, переехала в своё собственное здание на 156–165 Генри Стрит в юго-восточной части Манхэттена.

Школа Якова Йосефа выросла до огромных размеров, и в неё входили садик, начальная школа, средняя школа и высшая школа для тех, кто хотел получить звание раввина. В ней было записано более тысячи учащихся. Дядя Янкев Лейб и дядя Исроэль Иссер были директорами этой школы в разные периоды. Благодаря дальновидности моего дедушки, в Америке загорелся тот самый факел Торы, о котором когда-то говорил Ридбаз.

Продолжение следует
Перевод: рав Берл Набутовский

Присутствие Всевышнего в нашей жизни

- ✓ **Вы хотите знать, каковы законы женской скромности, но у вас нет времени читать толстые книги на эту тему и слушать длинные уроки?**
- ✓ **Вы молитесь о конкретном избавлении и ищете проверенное средство добиться желаемого?**
- ✓ **Вы ищете близости к Всевышнему и хотите сказать Ему спасибо?**

Специально для вас!

«Линия уроков о скромности»

В течение сорока бесплатных ежедневных уроков, по 2-3 минуты каждый, вы получите базовое знание законов скромной одежды и правил поведения при общении с противоположным полом на рабочем месте, став частью грандиозного проекта, действующего на иврите, идиш, английском, французском, испанском и русском языках.

Если вы наберете группу из сорока женщин для прослушивания цикла из сорока уроков, вы удостоитесь благословения рава Дана Сегалья, да продлит Всевышний его годы.

Не требуется предварительной записи.

Звоните прямо сейчас:

На русском языке: **073-383-3113** • На иврите: **073-383-4050-2448#**

Сердечно поздравляем

**р. Ишая Нафтали Горелика и его супругу
и р. Ицхака Бермана и его супругу**

с обручением детей

Михаэля Ицхака и Хаи,

р. Владимира Горелика и его супругу,

г-жу **Светлану Берман**

с обручением внуков

(Бейтар — Тифрах — Офаким — Иерусалим)

р. Баруха Кособурда и его супругу

с бар-мицвой сына **Моше**

(Маале Адумим)

р. Зеэва Дашевского и его супругу

со свадьбой дочери

(Маале Адумим)

р. Авраама Перцовского и его супругу

с бар-мицвой сына **Давида,**

р. Бориса Перцовского и его супругу

с бар-мицвой внука

(Гиват Зеэв)

р. Авнера Шапаринского и его супругу

с рождением дочери,

р. Моше Зайдина и его супругу

и р. Зеэва Шапаринского и его супругу

с рождением внучки,

р. Влада Пинского и его супругу

с рождением правнучки

(Иерусалим – Бейт Шемеш – Гиват Зеэв)

р. Якова Шварца и его супругу

со свадьбой дочери **Адассы Эстер**

(Иерусалим)

р. Залмана Гельфериса и его супругу

с бар-мицвой сына **Гершона**

(Бейтар Илит)

р. Йеошуа Ксидо и его супругу

с рождением сына,

р. Элиезера Ксидо и его супругу

и р. Моше Гринберга и его супругу

с рождением внука

(Иерусалим – Бейт Шемеш)

р. Александра Кузика и его супругу

с рождением внука

(Брахфельд)

р. Натанэля Рухимовича и его супругу

и р. Элияу Кельца и его супругу

с обручением детей –

Авраама Лейба и Сары

(Иерусалим – Бейт Шемеш)

Авраама Тарнаруцкого

с окончанием

трактатов Орайот и Моэд Катан

(Кирьят Сефер)

р. Дана Кацмана

с окончанием изучения

всего Вавилонского Талмуда

(Иерусалим)

р. Якова Шуба

с окончанием раздела Нашим

Вавилонского Талмуда

(Иерусалим)